ГЛАВА I

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ВНЕШНИХ ОПАСНОСТЕЙ И ВОЕННЫХ УГРОЗ

В последние годы в России появились различные экспертные сообщества, научные центры, которые при поддержке СМИ усиленно внедряют в общественное сознание точку зрения, что всякие разговоры о внешних и тем более военных угрозах являются надуманными и нелепыми[1].

М. Гареев,
генерал армии России

Анализ существующих и вероятных внешних опасностей и военных угроз имеет принципиально важное значение для формирования как общенациональной стратегии, так и военной доктрины страны и планов военного строительства. Именно он лежит в основе конкретных политических и военных решений о разработке, создании, серийном производстве, продаже и модернизации ВиВТ, изменений в военной организации государства, расходах на оборону и безопасность.

Во многом такой анализ предопределяет и развитие социально-экономической политики страны вообще и отдельных ее направлений (например, научно-технической, демографической, бюджетной и т.д.), в частности потому, что он лежит в основе стратегического прогноза и стратегического планирования, принимаемых военно-политическим руководством страны решений. Так, именно на основе анализа существующих и прогнозе будущих внешних опасностей и военных угроз основывается долгосрочная программа разработки и создания будущих ВиВТ, в частности ГОЗ-2020. Более того, прогноз будущих угроз сегодня предопределяет решения о создании ВиВТ на перспективу в 30, 40 и даже 50 лет.

Исходя из этого, особое значение приобретает разработка теории и методов анализа существующих и прогноза будущих внешних опасностей и военных угроз. Такая теория и методология позволяет с определенной степенью вероятностей (наряду с прогнозом тенденций в развитии ВиВТ) спрогнозировать будущую ВПО и потребности обороны страны на долгосрочную перспективу.

Обоснование качественных и количественных показателей и критериев межгосударственной и внутригосударственной ВПО

Как известно, материальную основу обеспечения военной безопасности составляют военно-экономический потенциал (ВЭП) и военно-экономическая мощь (ВЭМ), которые в свою очередь базируются на экономическом потенциале (ЭП) и экономической мощи (ЭМ) страны[2].

С. Цырендоржиев, В. Брезгин

Представляется, что этот классический подход ведущих российских исследователей уже не соответствует современным реалиям, как, впрочем, и любые иные попытки охарактеризовать современную международную и военно-политическую обстановку (МО и ВПО), опираясь только на анализ экономической и военной мощи участников ВПО.

В XXI веке на первый план вышли другие показатели и критерии, которые играют гораздо более важную роль, например, качество человеческого капитала страны, уровень технологического и научного развития, степень и качество институтов развития НЧК, причем не только государственных, но и даже в большей степени общественных. К первому десятилетию XXI века человечество уже определилось с сотнями критериев мирового экономического, социального и даже политического развития, которые стали общепризнанными. Работают немало лет международные организации, институты, сообщества, которые тщательно анализируют сотни, даже тысячи параметров и критериев, о чем, например, подробно написала профессор МГИМО(У) Л. Капица, в своей не раз издававшейся книге «Индикаторы мирового развития»[3].

Поэтому невозможно точно охарактеризовать международную и военно-политическую обстановку, опираясь только на анализ военных показателей отдельных субъектов или оценку собственно военной мощи отдельных государств, хотя количественные оценки ВС, ВиВТ существуют и являются общедоступными. Так, например, на сайте «Глобальная военная мощь» дается количественная подборка более, чем из 50 факторов, которые, по мнению авторов, определяют военную мощь государства, включая такие невоенные факторы, как численность населения, площадь государства, государственный долг и ряд других[4].

Этот набор позволяет получить представление не только о военных потенциалах более, чем 100 стран, но и (по методике авторов) подсчитать Индекс их военной мощи. Вместе с тем этот набор не учитывает такие важнейшие показатели, как качество и эффективность ВС и ВиВТ. Так, в качестве яркого примера сопоставления качества ВиВТ можно привести ВС Украины и Китая, армии которых в 1990 году были вполне количественно сопоставимы. Если об изменениях качественных параметров ВиВТ Украины говорить не приходится вообще — там за последние 25 лет было

MANPOWER:
- Total Populations
- Available Manpower
- Fit for Service
- Reachina Military Ace Annually
- Active Military Manpower
- Active Reserve Military Manpower

LAND SYSTEMS:
- Tanks (MBT/Liaht)
- Armored Fiohtina Vehicles
- Self-Propelled Guns
- Towed Artillery Pieces
- Rocket Projectors (MLRS)

AIR POWER:
- Total Aircraft
- Fighters / Interceptors
- Attack Aircraft
- Unmanned Aerial Vehicles (UAVs)
- Transport Aircraft
- Trainer Aircraft
- Helicopters
- Attack Helicopters
- Serviceable Airports

NAVAL POWER:
- Total Strencth
- Aircraft Carriers
- Frioates
- Destroyers
- Corvettes
- Submarines
- Patrol Craft
- Mine Warfare

RESOURCES:
- Oil Production
- Oil Consumption
- Proven Oil Reserves

LOGISTICAL:
- Labor Force
- Merchant Marine Strenath
- Major Ports and Terminals
- Roadway Coveraae
- Railway Coveraoe

FINANCIAL:
- Annual Defense Budcet
- External Debt
- Reserves of Foreion Exchanoe and Gold
- Purchasino Power Parity

GEOGRAPHIC:
- Souare Land Area
- Coastline
- Shared Borders
- Waterway Coverace

POWERS BY REGION:
- Africa
- Asia-Pacific
- Europe
- Middle East
- North America
- South America
- Scandinavia

MISCELLANEOUS:
- Compare Countries
- GFP Ranking

Отдельные области модернизации НОА, 2000–2009 гг.

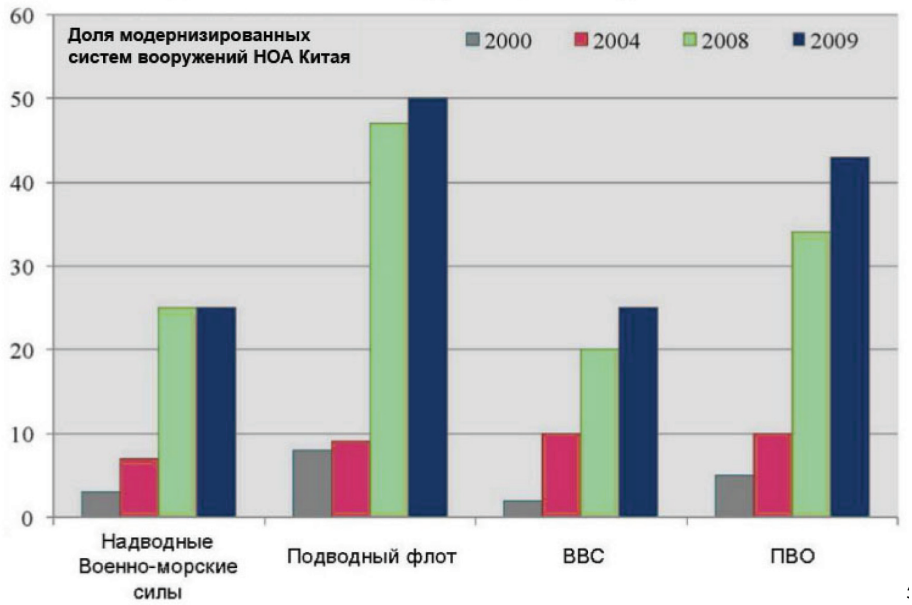


Рис. 1.[5]

модернизировано порядка 20 танков, а доля боеготовой техники не превышает 10%, то за эти же годы в КНР, наоборот, шел процесс быстрой модернизации, что видно из следующих данных: (рис. 1).

Этот пример, конечно, крайность. На практике такое различие встречается редко. Тем не менее анализ модернизации ВиВТ, а тем более создания качественно новых образцов дает гораздо больше оснований судить о военной мощи, чем простое количественное сопоставление.

Более того, разрыв между значениями качественных и количественных характеристик будет все более возрастать: боевая эффективность качественно новых систем оружия, измеряемая, может быть, единицами, будет превосходить предыдущие образцы в десятки и сотни раз.

Другой важнейший показатель — качество личного состава ВС. Для примера можно привести качество л/с корпуса морской пехоты США, где значительная часть постоянно проходит переподготовку, а в самом корпусе доминирует возрастная группа старше 30 лет (моложе 22 лет в корпусе вообще только 0,1% военнослужащих).

Active Duty Officer Accessions[6]

Type	Number	Percent
MECEP/ECP/MCP	174	10,4%
NROTC	228	13,6%
Officer Candidate Course	216	12,9%
Platoon Leader Course	566	33,9%
Military Academies	261	15,6%
Warrant Officer Program	216	12,9%

Active Duty Officer Age Distribution

Age	Number	Percent
<22	22	0,1%
22	269	1,2%
23	755	3,5%
24	1,012	4,6%
25	1,215	5,6%

Как видно из этих данных штаба корпуса морской пехоты, основную часть личного состава составляют сержанты, уорент-офицеры и офицеры старше 25 лет. Другие показатели:

— политические и военные цели, ради которых создаются ВС, ВиВТ;
— международные реалии, внешние и военные угрозы;
— целый ряд показателей внутреннего порядка (структура и качество экономики, уровень человеческого капитала и т.д.).

В этой связи гораздо перспективнее представляются показатели и рейтинги, в которых учитываются комплексные, системные показатели как государственной, так и собственной военной мощи, разработанные российскими экспертами в последние годы. Так, применительно к странам ЦА используются как макроэкономические показатели, характеризующие абсолютные величины и относительное положение этих стран, так и собственно показатели, характеризующие не только количество, но и качество ВС этих государств[7].

Но, главное, эти показатели не учитывают возросшее значение политических и гуманитарных факторов силы, которые в XXI веке во все большей мере вытесняют собственно показатели военной мощи. «Со-

Сравнительная оценка экономических показателей Центральноазиатских государств, Афганистана, ЕС, Китая, России и США

	Экспорт			Золотовалютные резервы			Экономический рейтинг		
	млрд долл.	Балл	Ранг	млрд долл.	Балл	Ранг	Балл	Региональный рейтинг	Глобальный рейтинг
Кв — коэффициент важности		0,17			0,17				
Россия	498,6	7,7	7	513,0	7,6	4	5,4		7
Узбекистан	13,8	1,6	73	11,0	1,7	67	1,4	3	77
Казахстан	88,89	4,1	35	29,3	2,3	46	2,5	1	40
Кыргызстан	2,33	1,1	90	1,9	1,2	88	1,1	4	95
Таджикистан	1,76	1,1	95	0,5	1,0	97	1,1	5	99
Туркменистан	14,37	1,6	72	18,7	1,9	54	1,5	2	75
Афганистан	2,6	1,1	90	5,3	1,5	77	1,2		90
ЕС	1791	9,8	2	812,1	7,9	3	7,8		1
Китай	1898	10,0	1	3236,0	10,0	1	7,1		3
США	1511	9,4	3	132,4	4,8	16	7,6		2

Совокупный боевой потенциал сил общего назначения стран Центральной Азии

Страна	Боевой потенциал СВ		Боевой потенциал ВМС		Боевой потенциал ВВС			Степень новизны ВВТ, уровень боевой подготовки и боевой готовности	Общий балл СОН	Рейтинг ИНЭС	Региональный рейтинг
	Балл	Рейтинг	Балл	Рейтинг	Самолеты боевой авиации	Балл	Рейтинг				
Кв	0,5		0,2			0,3					
Россия	8,3	2	5,6	3	1743	7,9	3	5,2	6,3	3	
Узбекистан	1,7	56	1,0		135	1,5	32	1,9	1,7	66	2
Казахстан	3,2	23	1,0		162	1,6	30	2,2	2,2	41	1
Кыргызстан	1,3	75	1,0		52	1,2	62	1,2	1,2	89	5
Таджикистан	1,0	96	1,0		0	1,0	87	1,3	1,2	91	4
Туркменистан	2,6	33	1,0		94	1,3	41	1,5	1,7	67	3
ЕС	8,0	3	6,6	2	2499	9,1	2	5	6,4	2	
Афганистан	1,1	85	1,0			1,0	87	1,8	1,4	80	
Индия	4,7	13	3,2	8	603	4,0	6	5	4,6	7	
Иран	3,8	18	1,1	32	319	2,4	15	3,5	3,2	19	
Китай	5,3	4	5,4	4	1653	7,7	4	5	5,5	4	
США	9,1	1	9,9	1	3063	10,0	1	10	9,8	1	

перничество старых и новых центров экономической силы в мире делает континент полем их явной и подковерной борьбы, конкуренции их разведок, дипломатов, политтехнологов, манипуляторов и проповедников. В сегодняшнем сильно „сжавшемся“ глобализированном мире уже нет острой необходимости посылать канонерки к далеким африканским берегам (хотя и такое все еще случается). Необходимые результаты достигаются с помощью „нормативной экспансии“ — навязывания нужных мировым державам законов, регламентов, норм поведения и иных „правил игры“ при обязательном сохранении за этими державами роли конечного арбитра и главного судьи, решающего, что легитимно, а что нет, кого карать и кого миловать.

В этом сущность нового колониализма XXI века — колониализма в бархатной обертке и „с человеческим лицом“. Внешне добровольное принятие этих правил, по сути, мало чем отличается от „добровольного“ перехода под протекторат европейских метрополий в XIX веке»[8].

В качестве примера нового качества военной мощи можно привести материальное обеспечение Концепции быстрого глобального удара ВТО, прежде всего КР, которая реализуется в США еще с 2007 года. Суть ее — **в возможности** — политической и военной — Соединенных Штатов быстро и глобально наносить разоружающие удары по любому противнику в мире. Речь идет не только о гипотетическом «контрсиловом» ударе против России, но именно о любом противнике. Кстати, не только государствах, но и организациях и даже отдельных людях.

Новые типы угроз, возникшие в последние десятилетия, требуют и от России аналогичного гибкого подхода, а именно: необходимо обладать потенциалом ВТО для широкого спектра военных (и даже полувоенных) операций — от массированного применения на ТВД до «точечного» использования против террористов, например, баз подготовки «Правого сектора» на Украине. В этой связи обращает на себя внимание справедливый вывод эксперта К. Сивкова: «Анализ существующих для нашей страны военных угроз показывает, что на российскую систему подобного назначения целесообразно возложить следующие задачи:

1. Осуществление стратегического неядерного сдерживания угрозой нанесения неприемлемого ущерба вероятному агрессору.
2. Дезорганизация и разрушение террористических организаций и иных транснациональных криминальных структур, являющихся источниками угроз национальной безопасности России и ее союзников.
3. Поражение объектов в операциях многонациональных сил, проводимых по мандату ООН»[9].

Предлагаемая авторами модель, таким образом может рассматриваться только как **часть более общей** модели и как часть более общих показателей и критериев. Поэтому изначально необходимо **определить** и **обосновать не только собственно качественные и количественные показатели**[10] **и критерии**[11] военной мощи, с помощью которых делается анализ и оценка как отдельных субъектов, так и тенденций в развитии ВПО и вероятных войн и конфликтов, но и взаимосвязь между ними.

На состояние и динамику развития ВПО влияет множество факторов, причем не только военных, или не «чисто» военных. Так, в «военных кругах до сих пор ведутся споры о том, является ли киберорружие собственно оружием, хотя в действительности все развитые страны не только создали собственные киберкомандования, но и в разы увеличивают их финансирование и численность.

В самой простой логической схеме их можно сгруппировать по отдельным подгруппам и подсистемам взаимосвязи между ними. Применительно к **одному** из субъектов ВПО эта модель может выглядеть следующим образом: (рис. 2).

Как видно, показатели и критерии, характеризующие военную мощь государства, относятся к области, находящейся между подгруппами «2» и «3». Причем являются лишь **частью** этой области (национальной стратегии) и **частью** собственно этих подгрупп.

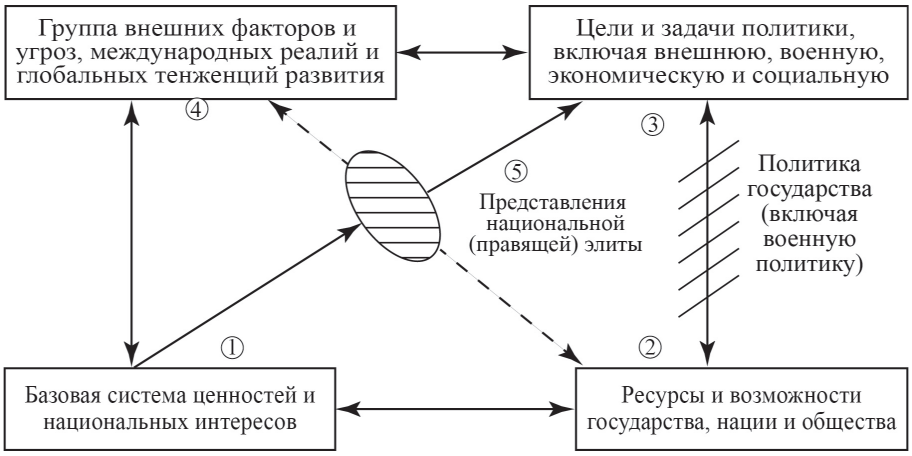


Рис. 2.

Это хорошо видно на следующих примерах, характеризующих численность личного состава и численность танков (разных типов).

Источник: http://www.liveinternet.ru/users/2125404/post291955188/

Как видно из показателя численности личного состава в случае военного конфликта, первые 12 государств могут мобилизовать от 50,6 до 749,6 млн человек. Из них безусловными лидерами государств являются Китай, Индия и США.

Вместе с тем со временем этот показатель может существенно меняться. Например, после отмены запрета в Китае на рождение второго ребенка эта численность к 2035 году может существенно измениться.

Но, главное, этот агрегированный показатель не говорит о качестве личного состава — его профессиональной подготовке, культурном и образовательном уровне, боевом опыте и т.д., что значительно важнее численности ВС. Так, в ходе вьетнамо-китайского конфликта потери китайской стороны многократно превысили вьетнамские.

Во втором десятилетии XXI века именно качество личного состава играет определяющую роль. Так,

Источник: http://www.liveinternet.ru/users/2125404/post291955188/

подготовка летчиков палубной авиации сравнима по интенсивности и трудности с подготовкой космонавтов, а их численность примерно одинакова.

Это замечание справедливо и для сопоставления количества единиц вооружений и военной техники. Так, лидерами по численности танков в настоящее время являются США, Китай и Вьетнам, однако количество новых «танков последнего поколения говорит о танковой мощи» гораздо больше, чем их численность.

Если говорить о показателях «национальные ресурсы» (подгруппа № 2), то определяющее значение для военной мощи имеет не только численность населения и мобилизационный потенциал, но качество этого населения, служащего в ВС и работающего в ОПК. Это **качество** измеряется индексом развития человеческого потенциала (ИРЧП), который используется ПРООН уже более 20 лет.

Поэтому на первом этапе необходимо определение новых показателей и критериев и уточнения прежних, позволяющих точно оценить реальные ресурсные возможности государства, в том числе в таких областях, как

— качество и степень развития общественных институтов (например, патриотических и профессиональных сообществ — ДОСААФ и др.);
— качество науки и образования;
— уровень технологического развития;
— нравственно-духовный потенциал;
— культурный потенциал и др.

Эти показатели в XXI веке имеют не меньшее, а порой и более важное значение для определения военной мощи субъекта ВПО — государства, организации, коалиции. Так, национальные возможности в области микроэлектроники непосредственно влияют на качество ВиВТ, уровень подготовки личного состава, эффективность управления ВС и другие военные показатели и критерии.

Кроме того, требуется определение и уточнение показателей и критериев, относящихся к другим подгруппам в модели субъекта ВПО. Так, принципиально важно определить качество принимающихся правящей элитой решений (подгруппа № 5), для чего разработаны соответствующие методики (например, какой процент принятых решений и как быстро выполняется).

Очень важны показатели и критерии, относящиеся к подгруппе № 1 — базовая система ценностей и национальных интересов. Так, стремление нации и ее правящей элиты к сохранению базовой системы ценностей (как в Иране, Китае, Бразилии и других странах) — очень важный показатель и критерий готовности использовать военную силу для защиты национальных интересов, а также способности и готовности использовать для этого национальные ресурсы.

Не менее важна и подгруппа № 4, в которой объединены три автономные группы — а) объ-

ективные международные факторы влияния; б) внешние опасности и в) военные угрозы. Все эти факторы оказывают как непосредственное влияние на ВПО в мире, так и на показатели и тем более критерии отдельного субъекта ВПО. Их влияние определяется:

— **во-первых**, относительностью любых показателей субъекта ВПО к аналогичным показателям других субъектов;
— **во-вторых**, высокой степенью влияния процессов глобализации, прежде всего, в научно-технической, технологической и социально-политической областях;
— **в-третьих**, возможностью формировать прямые внешние и военные угрозы субъекту ВПО в военной и невоенных (ценностных, экономических, информационных) областях.

В целях формализации и облегчения задачи определения показателей и критериев ВПО можно их разделить на:

— количественные (физические, экономические, социологические, математические и иные) показатели, которые предполагают возможность количественного измерения;
— качественные показатели — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям (экспертные оценки, например), либо являющиеся их производными. Также качественные показатели в долгосрочном прогнозе МО и ВПО имеют важное значение.

Так, оценивая степень внешнего влияния, а тем более военной угрозы, становится все важнее определить значение политической и гуманитарной составляющих. По материалам Евразийского банка развития

Развитие партнерских возможностей (корпуса морской пехоты США)

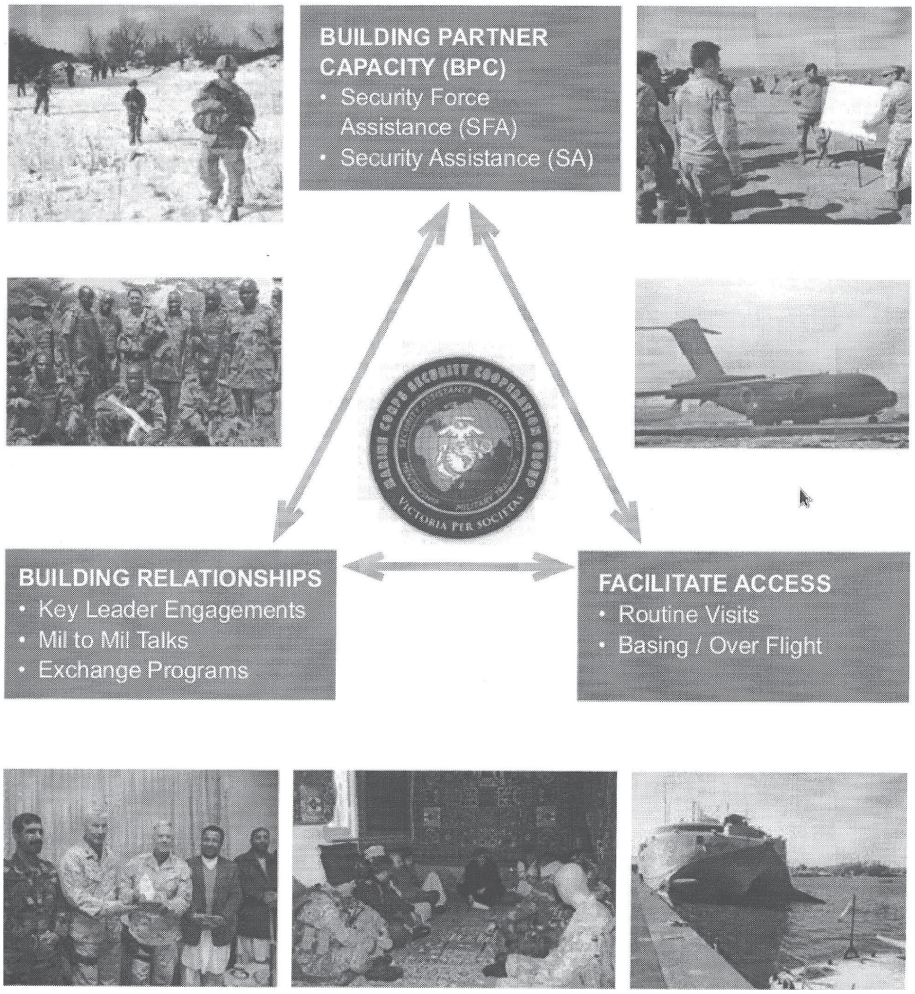


Рис. 3.

и соответствующего Института можно, например, достаточно четко определить степень и качество связей между гражданами России и постсоветских стран, что во многом свидетельствует и о внешнеполитической позиции государств, готовности их правящих элит к сотрудничеству (или конфронтации) с Россией.

Примечательно, что в штабе корпуса морской пехоты, т. е. на чисто военном уровне к этой проблеме подходят аналогично, уделяя огромное внимание «строительству партнерских возможностей». В руководстве Штаба это представляют следующим образом: (рис. 3).

Важно также определить шкалы качественных и количественных показателей для измерения их значений. Так, различают:

— **номинальную шкалу**, предназначенную для описания того или иного объекта, его принадлежности к определенному типу или классу (например, объем ВВП государства);
— **порядковую шкалу**, устанавливающую предпочтения между объектами, их упорядочение по одному или нескольким признакам (объем ВВП государства среди стран с наиболее развитыми экономиками, например, ОЭСР);
— **шкала интервалов**, предназначенная для отображения различий между свойствами объектов, оценке, насколько один объект превосходит или уступает другому (например, страны-лидеры мирового развития среди стран-членов ОЭСР);

Применительно к показателям, характеризующим ВПО и характер возможных войн, сказанное означает, что набор таких показателей очень широк, однако среди них неизбежно нужно выделить **ведущие, основные показатели**, которые важно расставить в приоритетном порядке.

Выше уже приводилась принципиальная схема цели и основных задач анализа ВПО в мире и в России, из которой видна необходимость учета показателей, как минимум **трех уровней**, сгруппированных для решения **трех основных задач**:

— 1-я группа — анализ ВПО в мире, основанный на анализе всех субъектов ВПО — как государственных, так и негосударственных и международных, численность которых достигает десятков тысяч;
— 2-я группа — анализ основных мировых тенденций развития, влияющих на ПВО. Прежде всего речь идет об анализе таких тенденций, которые

могут повлиять на изменение всей парадигмы развития МО и ВПО;

— 3-я группа — анализ показателей и критериев, а также оценка внутренних военных угроз и ВПО в самой России.

При этом требуется учитывать не только показатели ВПО этих трех основных групп и их конкретизацию в подгруппах, но и показатели смежных с ВПО областей — политических, идеологических, демографических, общеэкономических и т.п. Так, перспективы военно-технического и технологического развития того или иного субъекта ВПО невозможно оценить без анализа показателей в научной, образовательной или технологической политике, которые являются более общими и определяющими показателями.

Важную роль играет определение **критериев** (необходимых оснований) для принятия решения о соответствии чего-либо предъявляемым требованиям, которые могут быть **объективными** и **субъективными** при оценке ВПО и ситуации в России. Так, темпы развития ВВП России, прогнозируемые в 1,5% на 2014 год, объективно означают стагнацию экономики, хотя субъективно некоторые политики и эксперты и могут называть такие темпы «развитием». Другой пример: в феврале 2014 года Министерство образования РФ заявило о повышении «доступности» высшего образования в стране на основании того, что за счет сокращения поступающих в вузы на 4% численность бюджетников вырастет на 1,5%.

Объективные показатели могут быть, в свою очередь, разделены на качественные и количественные. При этом, учитывая, что на всю военную деятельность большое влияние оказывает не только военная наука, но и военное искусство, можно говорить о том, что в военно-политической области важны не только объективные, но и субъективные критерии (как психофизический метод экспертной оценки) в силу большого значения таких факторов, как «политическая воля», «качество военного искусства» и др. Эти субъективные критерии могут подтверждать (или опровергать) объективные критерии, в том числе и с помощью таких методов, как

— **метод экстраполяции** (ближнесрочного прогноза ВПО);
— **метод аналогии** (повторения, схожести условий прежних событий);
— **метод сценариев** — попыток описания событий и тенденций в будущем.

Последний метод, кстати, очень любят использовать в своих прогнозах отечественные экономисты, в т. ч. при подготовке официальных прогнозов развития России, например, прогноза социально-экономического развития России, подготовленного в 2008 году.

Такие методы, однако, как показывает практика, сами по себе неэффективны даже для прогноза на краткосрочную перспективу. Так, правительственный прогноз экономического развития, утвержденный в январе 2013 года, пересматривался, как минимум, четыре раза в сторону понижения в течение 10 месяцев одного года.

Таким образом, работа над обоснованием качественных и количественных показателей и критериев ВПО предполагает создание некого алгоритма в последовательности решения этих задач и их дальнейшей детализации и анализа. Одним из вариантов такого алгоритма может быть следующий подход:

Алгоритм определения качественных и количественных показателей и критериев МО и ВПО

1. Определение основных количественных и качественных показателей субъектов ВПО:
   — ведущих стран мира и тех государств, чье влияние на ВПО может быть замечено (порядка 100–110 стран);
   — международных организаций — политических, военных, экономических и пр. (особенно военно-политических коалиций, союзов и блоков);
   — основных негосударственных международных и национальных акторов МО и ВПО («Аль-Каида» и др.).

По самой скромной оценке речь может идти об анализе 1000–1500 субъектов ВПО по 100 критериям и показателям.

2. Определение показателей и критериев взаимоотношений между субъектами ВПО. Учитывая, что число субъектов ВПО, рассматриваемых в анализе, колеблется в пределах 1000–1500, а показателей и критериев возможно порядка 100 для каждого субъекта ВПО, исследование взаимодействия и взаимовлияния между субъектами ВПО и их показателями может быть определено в десятки тысяч анализов. Так, например, анализ взаимодействия двух субъектов ВПО — России и США — представляет, как минимум, анализ 100 показателей. Если же учитывать в этом анализе факторы влияния международных акторов (например ЕС) или отдельных стран (например, Японии), то число таких показателей неизбежно резко увеличится.
3. Определение основных показателей и трендов глобального развития человечества, способных радикально или существенно повлиять на ВПО в мире или отдельных регионах. Речь идет о влиянии на корректировку или даже смену парадигм, неизбежных для долгосрочных прогнозов. Так, в 2014 году в России возможно утверждение плана развития ВМС до 2050 года. Однако в 2014 году мы не должны просто экстраполировать современные реалии на 40 лет вперед. Если бы, например, в 1921 году (после окончания гражданской войны в России) стояла

Социальная сила, участвующая во внутригосударственном конфликте или влияющая на ВПО (на примере Украины)

Социальная группа	Возрастная группа	Национальная группа	Религиозная, конфессиональная группа	Профессиональные или иные признаки	Программа
представители среднего и выше среднего класса	молодежь до 35 лет	а) западные украинцы; б) жители центральных областей; в) жители Юга и Юго-Востока	униаты, киевский патриархат, католики, агностики	мелкий и средний бизнес, студенты	национализм

Формы внешнего вмешательства и поддержки

Формы / степень	слабое	сильное	очень сильное	решающее
Финансовая				
Политическая				
Медийная				
Военно-техническая				
Идеологическая				

аналогичная задача, то через 40 лет, к 1961 году, мы имели бы десятки миллионов тачанок и лошадей, а не ракетно-ядерное оружие, прогнозировать развитие которого до 1961 года можно было бы в лучшем случае в конце 40-х годов.

Отдельные показатели и критерии существуют для характеристики внутригосударственной ВПО, по отношению к которым показатели и критерии межгосударственной ВПО малоприменимы. Прежде всего из-за трудности определения основного потенциального противника, а также предполагаемых средств ведения вооруженной борьбы. Так, в характеристике внутригосударственной ВПО решающее значение имеет определение социальной силы — класса, социальной группы или социального слоя, национальности, профессионального состава или возрастного состава (например, студенты), религиозной или конфессиональной принадлежности и т. д.

Другой важный фактор, влияющий на показатели и критерии внутригосударственной ВПО, — внешнее вмешательство и внешняя помощь. Важно ясно определиться как **со степенью** вмешательства, так и **с характером** такого вмешательства: политического, идеологического, информационного, финансового или военно-технического.

Так, на примере событий на Украине 2013–2014 годов можно сказать, что основным противником правительства выступили представители западных областей, к которым примкнула часть интеллигенции центральных регионов и нанятых за деньги участников. Их численность была достаточно незначительна, но внешняя поддержка — информационная, политическая и финансовая — очень большая. Но, главное, в таких социальных конфликтах это не столько численность участников, сколько их активность, нацеленность на решительные и даже радикальные действия. Таковых на Украине было не много, но именно они («Правый сектор», «Оборона Майдана» и др.) сыграли решающую роль.

Возможные методы долгосрочного прогноза значений количественных, качественных показателей и критериев ВПО

… требуются новые подходы к организации обороны и обеспечению национальной безопасности в целом с учетом нового характера угроз[12].

М. Гареев,
генерал армии России

При долгосрочном прогнозировании и планировании решающее значение играет адекватный **выбор методов[13] прогноза количественных и качественных показателей** и критериев, влияющих на развитие ВПО. К настоящему времени существует достаточное количество таких методов, однако ни один из них не может быть назван бесспорным и абсолютно достоверным. Поэтому целесообразно использовать несколько количественных и качественных методов, которые в итоге могут дать наиболее точный результат. Этот результат может быть охарактеризован как своеобразное «поле для компромисса», в котором

показатели ВПО несут усредненное значение. Так, будущую военно-экономическую мощь государств можно прогнозировать как на основе роста ВВП, так и национального богатства, либо человеческого капитала, либо расходов на оборону и их доли в ВВП. При этом будущие значения военной мощи в абсолютном и относительном выражении, естественно, будут отличаться, но в целом могут дать общее представление о показателях военной мощи как одного государства, так и группы (или групп) субъектов ВПО.

Существует немало попыток описать военную мощь государства в зарубежных и российских источниках, включая показатель военной мощи как носителя потенциальной военной угрозы. Так, сотрудники 46-го Института МО С. Р. Цырендоржиев и В. С. Брезгин, предлагая вполне убедительную логическую схему формирования военной мощи государства, выделяют в т. ч. два основных фактора, формирующих военную угрозу: военно-политические намерения (измеряемые показателем «конфликтного потенциала намерений») и конфликтный потенциал военной мощи[14].

Предлагаемая логическая схема (рис. 4) вместе с тем представляется слишком общей, что вполне естественно, так как каждый из блоков требует значительной детализации и конкретизации показателей. Так, в ней нет таких важных блоков, как качество человеческого капитала (НЧК) ВС и ОПК, наличие развитых институтов гражданского общества, качество военно-политического руководства и некоторых других.

Особенно важное значение в определении военной мощи будущего будут иметь научно-технические и технологические достижения, способность страны развивать опережающими темпами новые направления научно-технического прогресса. Именно этот показатель, например, был главным в США в 80-е годы, когда любые политические, экономические, дипломатические действия соотносились с сохранением американского лидерства в технологических областях. Именно в те годы ежегодно рассматривалось сравнение СССР и США по 21–23 ключевым технологическим областям[15]. Вся последующая политика страны вытекала именно из этих действий.

В этих целях составлялась простая матрица, где лидерство США отмечалось «+», отставание «–», а равенство «0», которая выглядела примерно следующим образом:

Сравнение технологических возможностей СССР и США (по ключевым направлениям)

Технологические направления	СССР	США
1. Микроэлектроника	–	+
2. Биотехнологии	0	0
3. Атомная энергетика	+	–
…		
23. Системы связи	–	+

Для будущей парадигмы развития военной мощи и ВПО оценка показателей общетехнологического и военно-технологического значения имеет ключевое значение. Именно оно будет определяющим, а значит, должно учитываться при долгосрочном прогнозе военной мощи субъектов ВПО и степени возможных военных угроз.

Обобщенная логическая схема формирования военной мощи государства

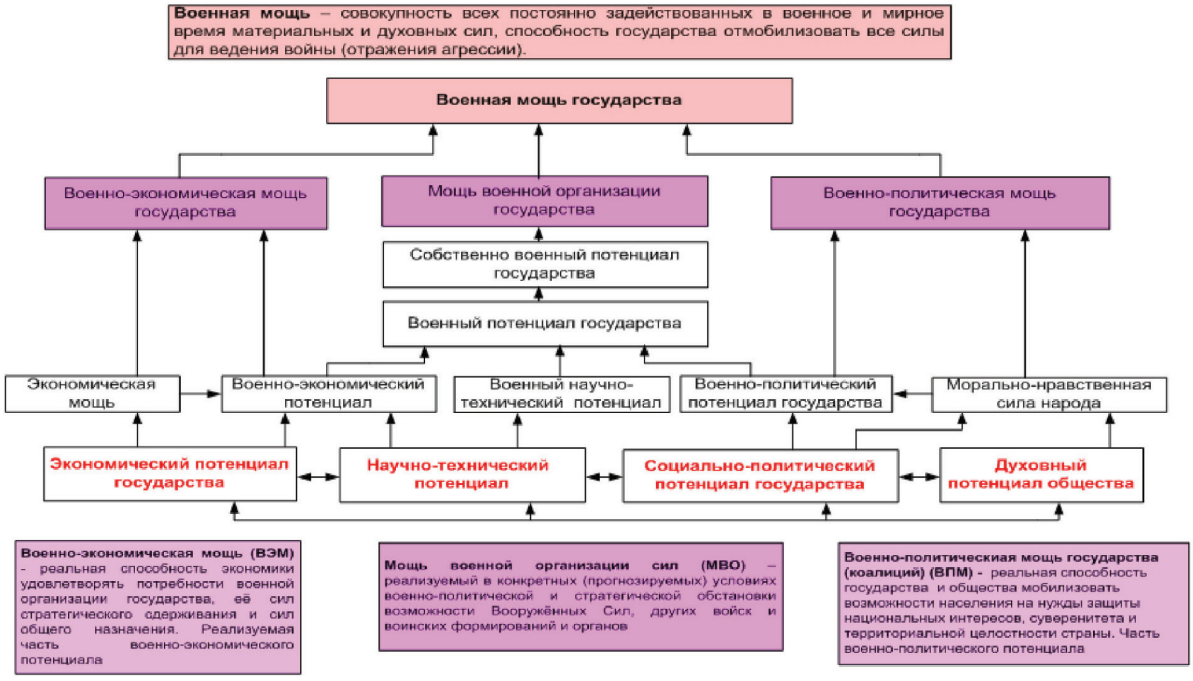
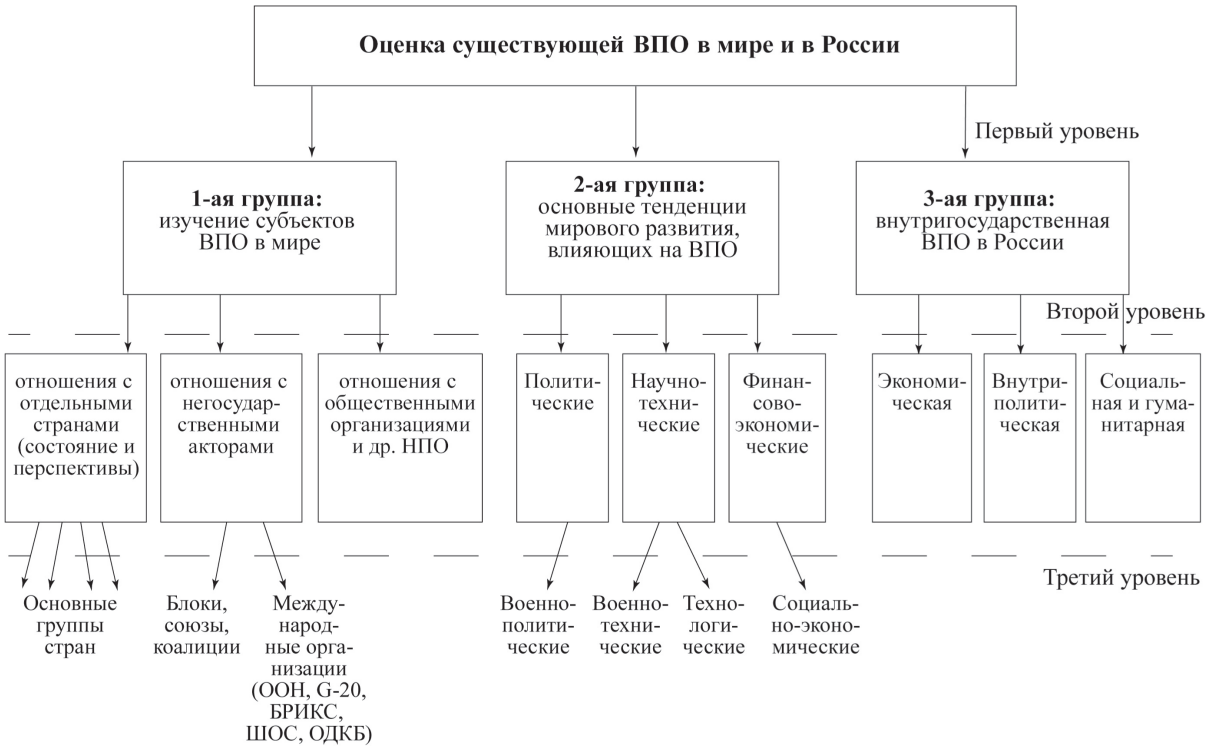


Рис. 4.



Безусловно, заслуживает внимания мысль С. Р. Цырендоржиева и В. С. Брезгина о том, что можно измерять степень напряженности ВПО с помощью такого показателя как потенциал военной угрозы, зависящего от собственной военной мощи государств: «Ее (степень напряженности военно-политической обстановки) мы предлагаем измерять с помощью **показателя — потенциал военной угрозы**. Одновременно мы, получив зависимость потенциала военной угрозы от размеров собственной военной мощи, можем определить степень влияния на военную угрозу величиной собственного боевого потенциала военной организации страны. Таким образом, мы получаем оценки возможностей силовых мер в парировании военной угрозы и диапазон для вклада в решение этой задачи невоенных мер: экономических, политико-дипломатических и прочих»[16].

Это справедливое утверждение наличия взаимосвязи между субъектами ВПО и показателями их военной мощи и намерений правящих элит может быть практически использовано при постоянном системном и многофакторном мониторинге большинства количественных и качественных показателей ВПО.

Поэтому при выборе метода прогноза показателей и критериев важна изначально точная характеристика современной ВПО в мире и в России, максимально адекватная оценка существующей парадигмы. При этом главная цель и основные задачи исследования — долгосрочный прогноз показателей и критериев предполагает их эволюцию, которая представляется неизбежной в рамках как существующей парадигмы (на краткосрочный период), либо с коррективами парадигмы (на среднесрочный период), либо полной смены парадигмы (на долгосрочный период). Иными словами, система МО и ВПО представляет собой, как минимум, три группы показателей, характеризующих:

— субъекты ВПО;
— процессы в МО и ВПО;
— состояние ВПО самой страны.

Эти показатели и критерии развиваются в рамках:

— существующей парадигмы (ближнесрочного прогноза);
— скорректированной парадигмы (среднесрочный прогноз);
— новой парадигмы (долгосрочный прогноз).

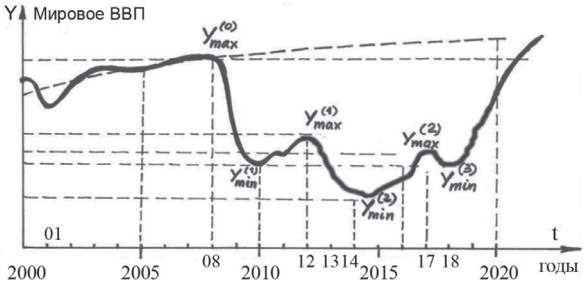
Важно понимать принципиальное значение новых показателей (или существенно измененных) в среднесрочном и долгосрочном прогнозе, которые могут полностью изменить парадигму ВПО. Так, появление крупных бронетанковых соединений полностью изменило характер II-й мировой войны, а ВТО — характер войны последних двух десятилетий. Это свидетельствует о том, что количественные методы прогноза показателей на долгосрочную перспективу могут носить частный, вспомогательный характер.

При этом решающее значение приобретает **выбор** наиболее важных показателей и критериев. Так, если выбирается, например, показатель странового ВВП, то можно ожидать один результат в абсолютном и относительном значении (например, рост ВВП России к 2020 году на 15% при сокращении ее доли в мировом ВВП с 3,9 до 3,0%). Если же выбирать более точный показатель — ИРЧП — результат неизбежно будут иными. Таким образом, выбор наиболее точного показателя в этой линейке будет в пользу индекса Национального человеческого потенциала (НЧП), включающего не только показатель душевого ВВП,

но и уровень образования, демографические и иные критерии развития.

Некоторые исследователи находят прямую взаимосвязь между развитием мировой экономики (показатель мирового ВВП) и военно-политическими конфликтами в периоды 1939–1949 гг., 1975–1983 гг. и возможным периодом 2014–2020 годов, связывая его со сменой технологического уклада[17]. Как видно из нижеследующего рисунка, прогнозируется цикличность развития мировой экономики не только в среднесрочной, но и долгосрочной перспективе, которую непосредственно связывают с «фазой великих потрясений» и неизбежным ростом конфликтности и военных угроз.

График прогнозируемых спадов и подъемов мировой экономики на «понижательной» волне пятого К-цикла (фаза «великих потрясений»)



В данном случае показатель изменения мирового ВВП коррелирует с будущим состоянием ВПО и, как следствие, изменениями в характере внешних и военных угроз.

Таким образом, показатели и критерии развития глобальных трендов (как и внутриполитических факторов и международных акторов) оказывают решительное влияние на результаты прогноза будущего состояния ВПО и корректировку эволюции или даже смену парадигм развития ВПО.

При этом, если говорить о мировых трендах и международных факторах (особенно политике государств), то их политика может меняться (и меняется) в короткие временные промежутки. Если же иметь в виду десятилетия, то она может приобретать даже прямо противоположную направленность. Поэтому выбор и прогноз показателей и критериев развития ВПО должен происходить на основе их постоянного **мониторинга**. Особенно, если речь идет о качественных военно-технических показателях и критериях: количественные изменения в ВС меняются десятилетиями, а новое качество ВиВТ может обеспечить решительные военные преимущества.

Вместе с тем необходимое для военной политики стратегическое планирование невозможно без оценки будущей ситуации в мире и стратегического прогноза. Тем более невозможны конкретные планы создания вооружений и военной техники, требующие (с учетом времени, необходимого на фундаментальные исследования и НИОКР), как минимум, нескольких десятилетий. Существующая практика долгосрочного военного планирования в зарубежных странах достаточно показательна. Она свидетельствует о том, что такое планирование реализуется как по отдельным

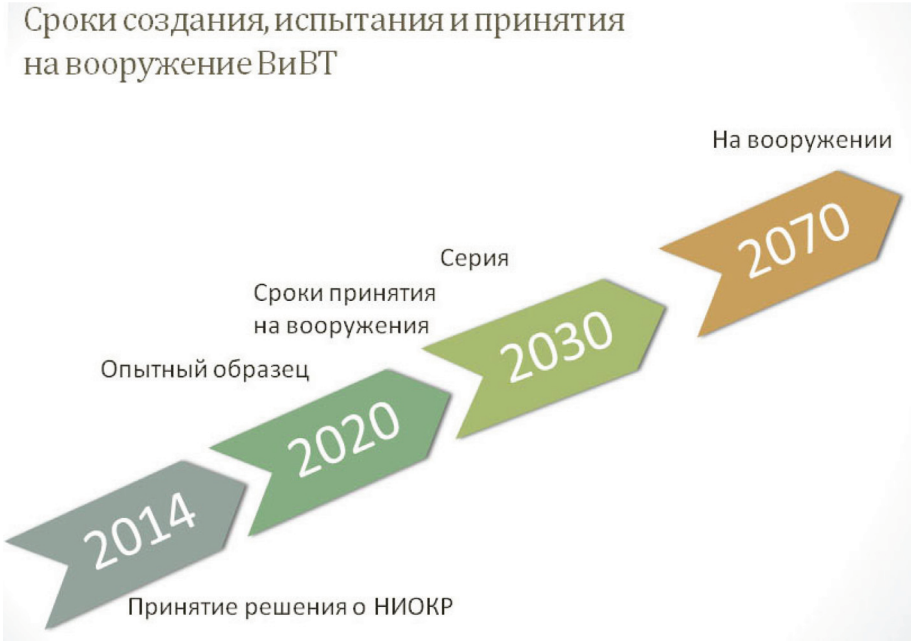
Некоторые факторы, влияющие на международную ситуацию, ВПО, внешние и военные угрозы

I. Международные тренды и условия:
- основные тенденции научно-технического развития;
- состояние мировой экономики.
- динамика внешнеэкономической деятельности.

II. Внешняя политика государств:
- территориальные претензии;
- завышенные внешнеполитические амбиции;
- стремление.

III. Политика негосударственных акторов:
- международных организаций;
- союзов, блоков, коалиций;
- террористических организаций;
- общественных и гуманитарных организаций и др.

IV. Внутренняя политика государств:
- стабильность внутриполитической ситуации;
- наличие институтов, контролируемых деятельность верховной власти;
- военная политика;
- состав, структура и направления развития вооруженных сил и др.



родам и видам вооруженных сил, так и по отдельным направлениям развития ВиВТ.

Сказанное означает, что среднесрочный и долгосрочный прогнозы основных количественных даже качественных показателей развития ВиВТ вполне актуальны и достаточно информативны для долгосрочного прогноза ВПО. Это, например, хорошо видно на двух примерах — развития программ наземных и морских робототехнических систем США на среднесрочную перспективу[18].

В целом военно-техническое планирование в ведущих странах за рубежом может прогнозироваться на долгосрочную перспективу, исходя из того, что цикл «НИОКР — опытный образец — испытания — принятие на вооружение» занимает несколько десятилетий и имеет устойчивую тенденцию к увеличению и существенному удорожанию. В этой связи финансовые показатели создания производства и эксплуатации ВиВТ, а также подготовка кадров могут являться дополнительной основой для анализа. Так, в настоящее время разрабатываются вооружения, которые могут находиться в строке после 2050 годов, а программы НИОКР и подготовки личного состава могут стать основой для таких показателей.

Вместе с тем подобная экстраполяция развития военно-технических программ, основанная на военно-технических показателях программ, не позволяет судить о главном, а именно: **какие** именно нужны ВиВТ, в **каких** случаях и для **каких целей**. Ответы

Рис. 5.

на эти вопросы необходимо искать в других областях, прежде всего, относящихся к международной и ВПО.

Основываясь на анализе потенциальных тактико-технических возможностей (показателях) новых ВиВТ, вместе с тем, можно делать вывод о предполагаемых долгосрочных военно-политических целях потенциальных противников и, соответственно, о вероятных внешнеполитических и военных угрозах. Так, прогноз развития возможностей (показателей) КР позволяет сделать вывод о том, что США после 2020 года будут обладать стратегическим неядерным потенциалом, который во многом сможет заменить СЯС.

Как видно из данных о росте численности КР, их количество к 2025 году может превысить 21 тыс. единиц, при существенном улучшении качества (точности, дальности, скорости).

Опыт ведения войн США в Иране, Афганистане и Сирии показывает, что одна военная кампания требует 0,5–1,5 тыс. КР разных типов базирования (преимущественно морского). Увеличение численности и качества КР может свидетельствовать о том, что:

— США будут способны вести войну в глобальном масштабе, либо несколько региональных войн с помощью КР и другого ВТО в 2025 году;

— потенциал СЯС может быть вполне заменен на потенциал КР разных типов базирования и ракеты/бомбы ЛА, ударные беспилотники и другие виды ВТО;
— акцент в ведении военных действий все в большей степени смещается в воздушно-космическую область.

Во многом это же подтверждают данные о развитии роботизированных вооружений на суше и на море (рис. 5).

Следует особенно внимательно отнестись к прогнозным показателям изменения военных возможностей ВТО (например, КР). Так, увеличение их дальности позволит наносить удары по стратегическим объектам с разных направлений, что значительно усложняет для России ВПО в будущем. В частности, это потребует не только развертывания глобальной системы раннего обнаружения, но и комплексов ВКО, способных защитить, как минимум, важнейшие объекты, а в перспективе — всю территорию России.

В этой связи особенно важное значение приобретает оценка и прогноз влияния внешних факторов и военных угроз и их показателей на ВПО. Массовое производство ВТО и КР предполагается не только в США, но и в целом ряде других стран — от стран-членов Евросоюза, Израиля и Ближнего Востока до стран Юго-Восточной, Северо-Восточной Азии, Индии, Индонезии, Японии и других стран АТР.

Кроме того, появление потенциала ВТО, вообще, и КР, в частности, неизбежно скажется на потенциальных возможностях:
— военно-политических коалиций, союзов и блоков;
— международных и общественно-политических организаций, которые будут способны приобретать такие ВиВТ.

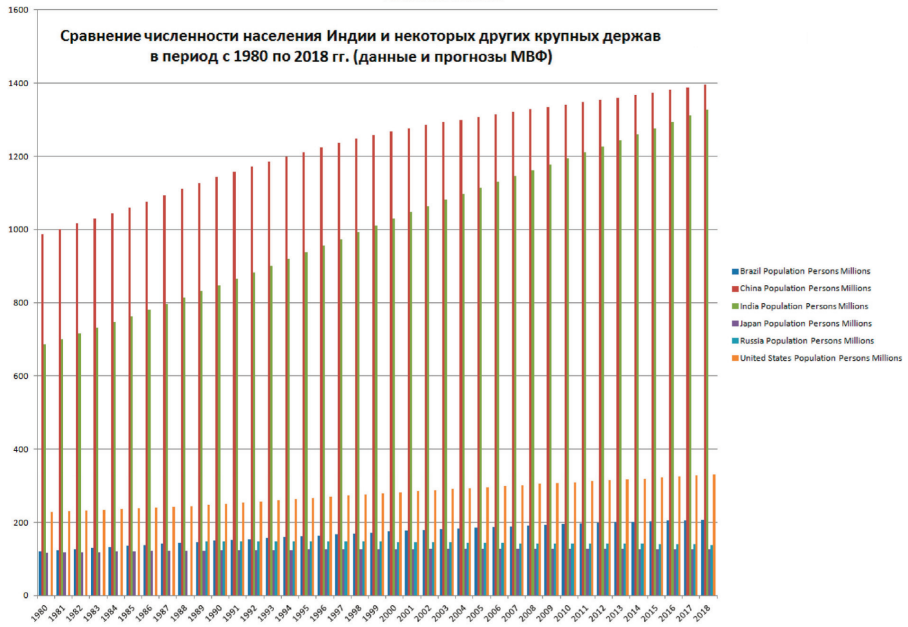
Но не только. Из анализа показателей и критериев развития ВТО США вообще и КР разных типов базирования можно сделать выводы и другого порядка, а именно:
— показатели значения эффективности СЯС будут в значительной степени меняться, уступая во все большей мере значениям показателей ВТО;
— неизбежно будет увеличиваться значение показателей эффективности всего комплекса ВКО — от систем разведки и обнаружения до систем ближнего, среднего и дальнего перехвата;
— показателям напряженности ВПО, которые будут в возрастающей степени зависеть от качества и количества ВТО в глобальном и региональном масштабе;
— показателям готовности США использовать военную силу в качестве политического инструмента в прямой и косвенной форме и т. д.

Этот стратегический прогноз относительно ВТО вполне укладывается в давно существующую парадигму в США, в соответствии с которой необходимо создать контрсиловой потенциал, способный ликвидировать ядерный паритет с Россией. Вместе с тем такой ответ оставляет открытым вопрос о рисках массированного применения ВТО, т. е. о **способах его** использования, а, главное, при **каких политических условиях**, **против кого** и **каким образом** этот новый стратегический потенциал может быть применен.

Попытки прогнозирования социальных и политических тенденций особенно трудны тем, что в этих областях быстро появляются новые явления, более того, парадигмы, которые трудно обнаружить на начальном этапе их зарождения, а тем более предположить об их появлении заранее.

Поэтому очень важно на первом этапе анализа военно-политической обстановки в мире и в России,

Население*



*Здесь и далее материалы подготовлены Кузнецовым К. и Чернышенко Д. М.: МГИМО(У). 2014.

Рис. 6.

попытаться обнаружить **зачатки развития новых трендов и парадигм**.

В еще большей степени ситуация осложняется тем, что современная и будущая ВПО во многом будет определяться как многочисленными субъектами ВПО (и еще более многочисленными их показателями), так и взаимосвязями между различными субъектами ВПО.

Если говорить о показателях и критериях отдельных субъектов ВПО, то можно в качестве примера взять наиболее противоречивый субъект ВПО — Индию.

С одной стороны, Индия это наиболее населенная страна, способная соответственно мобилизовать наибольшую численность граждан в ВС (рис. 6).

Кроме того, Индия обладает высоким ВВП и темпами его роста (рис. 7).

Индия активно вписана в мировую экономику, а ее внешнеэкономические связи очень развиты (рис. 8).

У Индии заметна устойчивая тенденция роста научного потенциала (рис. 9).

При устойчивом росте военных расходов их доля в быстро растущем ВВП существенно сокращается (табл. 1).

Вместе с тем относительно других государств мира и Евразии можно сделать однозначный вывод о том, что Индия превращается в великую военную державу по основным характеристикам (табл. 2).

Макроэкономические показатели

Рис. 7.

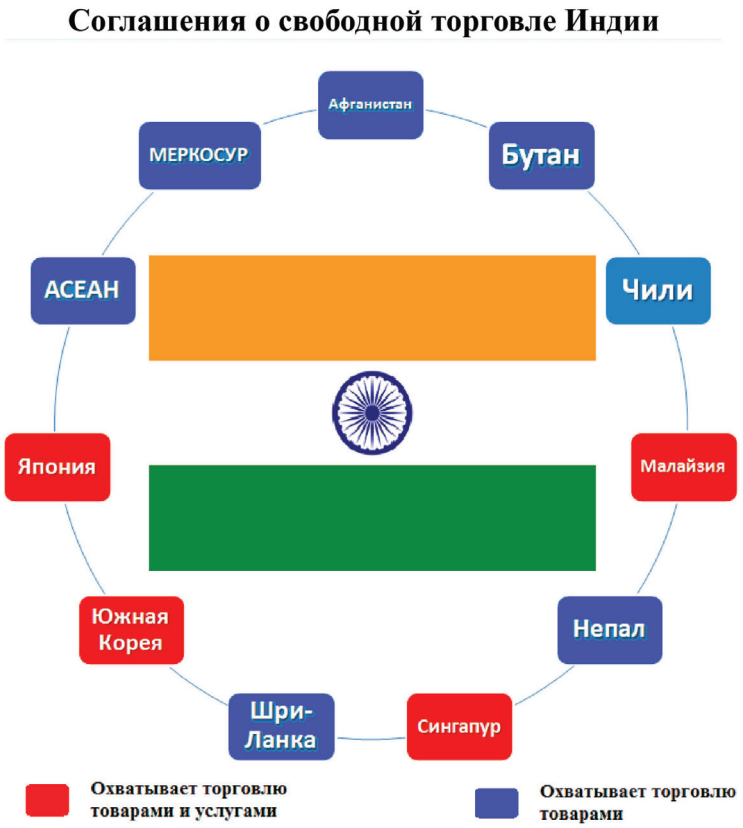


Рис. 8.

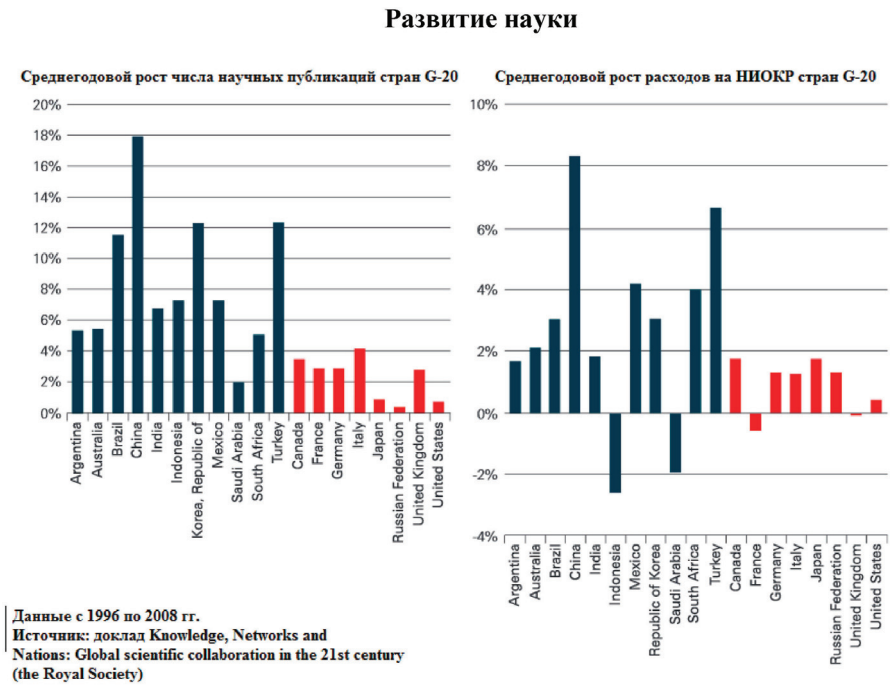


Рис. 9.

Итак, анализ только части показателей военной мощи Индии дает неоднозначный результат, а именно: быстро развиваясь страна не менее быстро превращается во влиятельного субъекта ВПО в мире.

Таким образом, главный метод долгосрочного прогноза значения количественных и качественных показателей и критериев ВПО заключается в анализе и прогнозе основных показателей и критериев:

— большинства субъектов ВПО;
— их взаимосвязей и взаимовлияния друг на друга;
— основных трендов мирового развития, влияющих на формирование парадигмы МО и ВПО;

Табл. 1. Военные расходы Индии. Отношение военных расходов к ВВП страны. Структура военного бюджета

Индия	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Военные расходы, млн долл.	20 200	21 700	23 140	24 377	29 274	32 223	35 229	31 945
Процент от ВВП	2,5	2,39	1,99	1,91	2,33	2	1,92	1,75
ВВП, млрд долл.	806,783	909,474	1160,146	1275,733	1259,065	1614,834	1938,166	1824,832
ВВП на душу населения, долл.	806,783	909,474	1160,146	1275,733	1259,065	1614,834	1838,166	1824,832
ВВП ППП, млрд долл.	727	808	1016	1102	1072	1356	1523	1492
Население, млн чел.	1110	1126	1142	1158	1174	1190,524	1206,917	1223,17

(по данным официального сайта ЦАМТО)*

*Официальный сайт ЦАМТО [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.armstrade.org/files/yearly_2013_41.pdf

Табл. 2. Структура военного бюджета Индии
(в крорах [10 млн] индийский рупий, по данным министерства обороны Индии)*

Service/Department		2010–11 Actuals (Rev+Cap)	2011–12 Actuals (Rev+Cap)	2012–13 Actuals (Rev+Cap)	BE 2013–14 (Rev+Cap)
Army		78 239,69	84 081,29	91 450,51	99 003,03
Navy		27 119,20	31 115,32	29 593,53	36 343,46
Air Force		38 176,49	4561,01	50 509,13	57 503,94
DDP	DGOF	(–) 133,32	(–) 456,37	(–) 267,86	(–) 508,66
	DGQA	565,73	665,19	695,67	720,18
R&D		10 148,92	9893,84	9794,80	10 610,17
Total		154 116,71	170 913,28	181 775,78	203 672,12

Army — сухопутные войска
Navy — ВМС
Air Force — ВВС
DDP — управление военного производства
DGOF — отдел инспекции военных заводов по вопросам производства систем вооружений и боевых машин
DGQA — отдел контроля качества внутри управления военного производства
R&D — управление по НИОКР в военной сфере
*Официальный сайт Министерства обороны Индии. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mod.nic.in

— ВПО внутри России, ее союзников и возможной коалиции.

Это можно продемонстрировать на рисунке, отображающем всю сложность системы показателей ВПО.

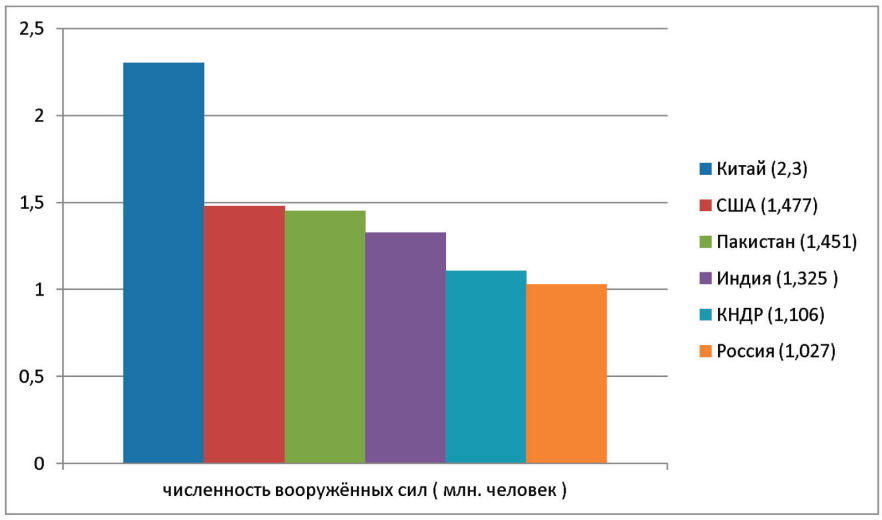
При этом надо понимать, что все эти показатели и критерии находятся в **разной** динамике. Поэтому отслеживать их изменения можно и нужно по отдельности, используя разные методики и источники.

Подобный многофакторный анализ современной международной ситуации необходим потому, что это прямо отражается на безопасности государств. Если в 40-е и 50-е годы XX века военно-техническое отставание можно было ликвидировать за несколько лет, то в XXI веке это связано уже с десятилетиями, а с переходом к новому технологическому укладу, это отставание компенсировать будет уже практически невозможно.

В этой связи становится все более ясным, что военно-техническое соперничество перенесено в технологическую область, которая на высшем уровне, например, в США, объявляется «главным приоритетом» безопасности. Соответственно, показатели и критерии научно-технического и технологического развития на долгосрочную перспективу **становятся приоритетными**, предопределяющими будущие показатели и критерии ВиВТ.

Сказанное означает, что отставание в той или иной технологической области ведет к отставанию во всем спектре видов и систем оружия. Так, игнорирование в свое время в России значения беспилотных ЛА привело к радикальному технологическому отставанию, что, в свою очередь, предоставляет США, Франции, Великобритании и Израилю существенные военно-технические преимущества долгосрочного характера. Их ликвидация является сегодня одной из важнейших задач военного строительства, хотя прежнее лидерство СССР в этой области, при минимальном внимании к этой проблеме, могло бы обеспечить сегодня России существенные военно-технические преимущества.

Численность индийской армии в сравнении с армиями других стран (2011г.)*



Резерв вооруженных сил Индии состоит также из 535 тыс. человек**

*Самые многочисленные армии мира // Военное обозрение 26.11.2011, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://topwar.ru/8720-naibolee-boesposobnyh-armiy- zemli.html

**Самые многочисленные армии мира // Военное обозрение 26.11.2011, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://topwar.ru/8720-naibolee-boesposobnyh-armiy- zemli.html

Рис. 10.

Россия-2014: оценка и анализ влияния внешних показателей и критериев военных угроз (современная парадигма)

Оценка и прогноз внутренних факторов влияния и показателей на ВПО, внешние опасности и военные угрозы

Перспективы (развития) науки в России равны перспективам смены типа цивилизации[19].

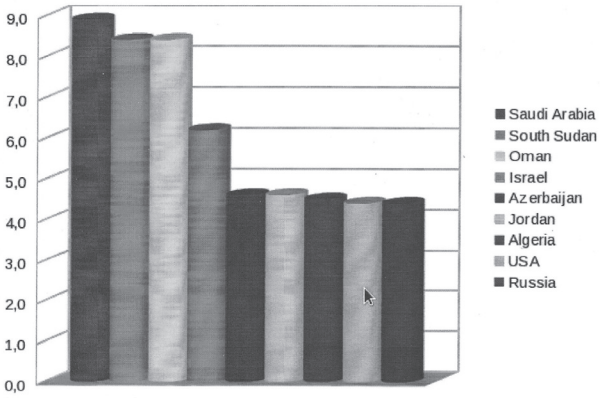
Д. Квон,
профессор НГУ

Очевидно, что существующие иногда мнения о возможности анализа военной политики и намерений субъекта ВПО от его государственной или военной мощи, а тем более доли военных расходов в ВВП, не дают точного представления ни о реальных возможностях (в т. ч. экономических) государства, ни о его намерениях. Так, если судить о намерениях по доли военных расходов в ВВП, то в 2012 году вырисовывалась бы следующая картина: самые милитаризированные и агрессивные страны мира это Саудовская Аравия, Южный Судан, Оман, Израиль и т.д. Причем США в этом перечне занимали бы 9-е место, а Россия — почетное 10-е[20].

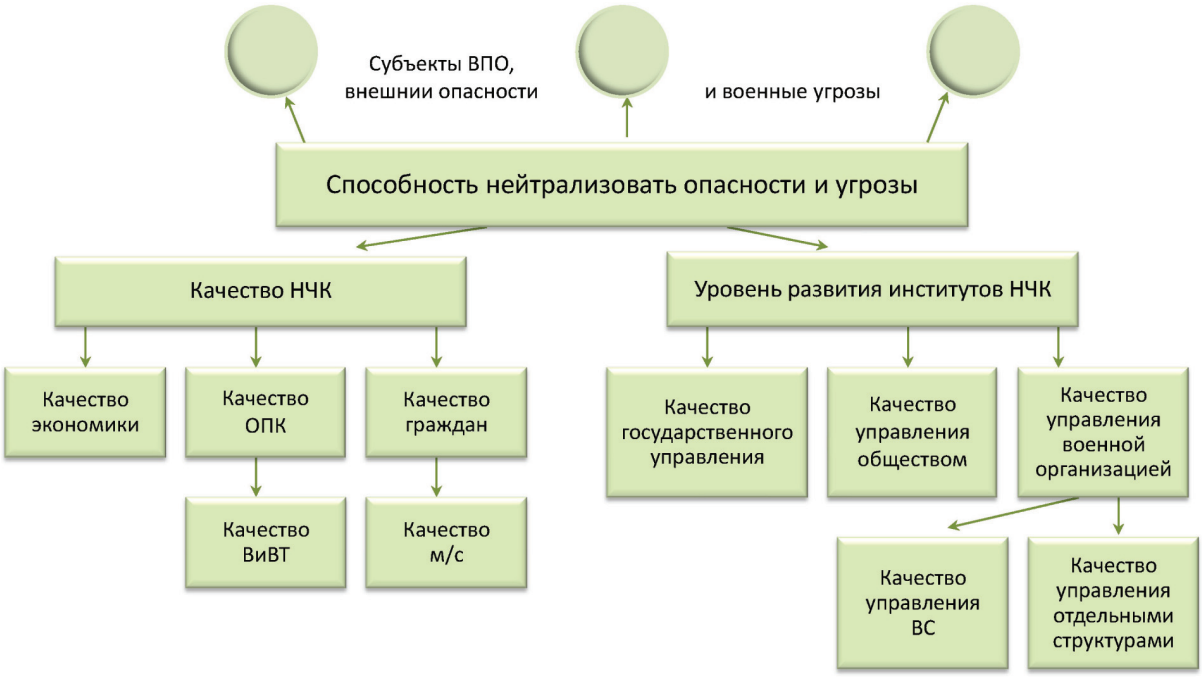
Степень опасности внешних и военных угроз будет определяться не только внешними, но и внутренними факторами. Прежде всего тем, насколько они могут быть нейтрализованы изначально собственными ресурсами, среди которых важнейшая роль будет принадлежать НЧК в военной области. Появилась очень четкая и прямая взаимосвязь между системой национальных ценностей и национальным человеческим капиталом (НЧК) в военной области.

Военные расходы стран (в процентах от ВВП)

Country		2012
Saudi Arabia	▶	8,9
South Sudan		8,4
Oman	▶	8,4
Israel	▶	6,2
Azerbaijan	▶	4,6
Jordan	▶	4,6
Algeria	▶	4,5
USA	▶	4,4
Russia	▶	4,4



Способность нации и государства влиять на ВПО, внешние опасности и военные угрозы



Она выражается в том, что от развития национальной системы ценностей прямо зависит ключевой современный фактор развития — НЧК, в т.ч. его уровень и качество.

Первое и самое прямое следствие качества НЧК — резкое увеличение значения **качества личности военнослужащего**, прежде всего его профессиональной подготовки. Сегодня боевая эффективность во все большей степени зависит от качества личного состава. Причем это качество становится все **дороже** для государства (подготовка летчика, например, стоит от 2–3 млн долл. до 10–15 млн долл.) и носит индивидуальный, «штучный» характер. Так, пилотов палубной авиации в России меньше, чем космонавтов, а строительство авианосных ударных группировок зависит не только от выделения огромных средств, но и от того, **кто** будет «сидеть в кабинах» ЛА.

Человеческий капитал личности будет во все большей степени определяться качеством национальной системы ценностей. Прежде всего:

— общим культурным уровнем, способным охватить междисциплинарные области (например, биологию и информатику), приобретающих решающее значение в будущем;
— духовностью, нравственностью личности, ее способностью ставить интересы нации, общества и государства выше личных, что имеет особенное решение как для эффективной военной организации государства, так и отдельной личности, которым изначально потребуется жертвовать личными интересами;
— образовательным и научным потенциалом, формирующимся как на национальной основе, так и с учетом мирового опыта;
— качеством промышленного и технологического потенциала нации. Сегодня в основном этот потенциал находится на уровне 4–5 этапов, хотя требуется закладывать основы уже 6-го технологического уклада. Если 5-ый уклад может использовать внешние заимствования, то 6-ой уклад может развиваться в основном только на национальной почве.

Примечательно, что и в еще не до конца сформировавшейся концепции евразийской интеграции у российской элиты и элит постсоветских государств также был отмечен сдвиг от «прагматично-утилитарного» подхода, основанного на торгово-экономической выгоде, в пользу совместных, базовых ценностей и геополитических подходов. Этому в немалой степени способствовал отказ Армении и Украины от ассоциированного членства в Евросоюзе, понимание, что политика давления Запада имеет в своей основе политическое, военное и ценностное значение.

Отдельно следует сказать, что способность противодействовать внешним и военным угрозам будет во все большей степени зависеть от качества национальной элиты. На известном рисунке (рис. 11) видно, что группа факторов «Д» — субъективные представления и решения правящей элиты — непосредственно влияют на все остальные группы факторов.

Элита, прежде всего, формулирует политические и иные цели и задачи, стоящие перед нацией и государством.

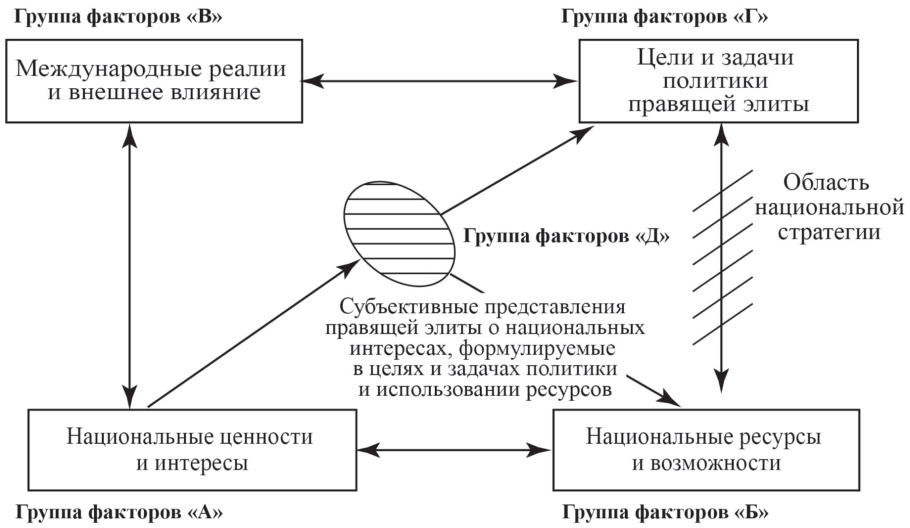


Рис. 11.

Элита распределяет национальные ресурсы. При этом речь сегодня, как правило, идет о распределении только финансовых ресурсов, хотя незадействованными остаются во многом культурные, интеллектуальные и духовные ресурсы нации.

Элита в определенной степени влияет и на международные реалии и на эволюцию вызовов и угроз в мире.

Элита, наконец, может оказывать позитивное, либо негативное воздействие на систему национальных ценностей и интересов.

Именно поэтому особое значение для будущего России будет иметь **качество** национальной элиты, ее способность воспринимать адекватно все группы важнейших факторов. Это определяется целым рядом критериев, но в первую очередь:

— **профессионализмом** элиты, ее подготовленностью к решению общенациональных задач, опытом и результативностью деятельности, оцененной обществом;
— **образованием**, полученным в лучших учебных заведениях России и мира, дополненным необходимыми специальными знаниями;
— **нравственностью**, которая определяется прежде всего преданностью нации;
— **способностью к стратегическому прогнозу** и стратегическому планированию, предвидению последствий своих действий и другим качествам, которые сегодня становятся обязательными характеристиками творчества[21].

К сожалению, эти требования не предъявлялись ни при М. Горбачеве, ни при Б. Ельцине, ни во многом и сегодня, что, естественно, отразилось и отражается в конечном счете на всей политике и огромных неоправданных издержках. Современная правящая элита России в своей массе непрофессиональна, безответственна, плохо образованна и безнравственна, в т. ч. коррупционна. Российской нации предстоит решить эту проблему, ибо в противном случае, как и прежде, государственное и общественное управление будет оставаться неэффективным.

Сказанное имеет прямое отношение к оценке и анализу ситуации в мире, а тем более — ее прогнозированию. И первое, и второе требует не только высококвалифицированных экспертов (которых остается все меньше), но и высококвалифицированного военно-политического руководства, способного адекватно понимать поставленные задачи. Реальность такова: лимит субъективных ошибок, сделанных при М. Горбачеве, Б. Ельцине, Е. Гайдаре, А. Сердюкове, А. Кудрине и т. п., — исчерпан.

Пока что видно, что на уровне принятия и исполнения решений почти всё замыкается на Президенте России, который был вынужден признать, что «добиться цели можно подчас только на уровне или с уровня президента»[22]. Это признание означает, что система государственного (в т. ч. военно-политического) управления неэффективна и что ее необходимо менять. Только организационных мер здесь явно недостаточно. Нужны меры политико-идеологического характера, когда правящая элита четко понимает стратегический курс национального развития и вытекающие из этого курса конкретные решения, сроки выполнения и ответственность.

При этом очень важно принять правильную модель управления человеческими ресурсами, которая сегодня не способствует творческому и ответственному подходу. Так, в результате проведённых исследований американские специалисты определили следующие основные стратегические подходы к управлению людьми компании:

— **Управление человеческими ресурсами** — ориентация на людей с акцентом на максимальное использование их таланта, повышение качества жизни.

— **Патернализм** — осторожный отбор персонала, обучение и забота со строгой ориентацией на клиента.
— **Профессиональная модель** — ориентация на профессионализм (отбор, обучение, оплата, юридический контракт);
— **Продуктовая модель** — ориентация на производительность, жесткие трудовые отношения[23].

Пока что в России можно говорить о том, что управление человеческими ресурсами идет не по первому, наиболее эффективному, сценарию, а по второму — «интернализм» и, отчасти, четвертому — «продуктовая модель». Это означает, что значительные национальные ресурсы практически исключены из развития и управления, что неизбежно отражается на эффективности общества и ВС.

В зависимости от трех групп обстоятельств («А», «Б», «В») и качества элиты (группа «Д») формируются (или нет) адекватные цели и задачи политики, в т.ч. военной, включая национальную военную доктрину как систему взглядов на использование военной силы. При этом особое значение имеет адекватная оценка не только целей и задач, но и национальных ресурсов и возможностей (группа «Б»), которые должны соотноситься с поставленными целями и задачами. И эта область — особенная ответственность элиты. Их переоценка или недооценка имеет огромное, иногда катастрофическое значение, особенно в военно-политической области. Так, переоценка масштабов и остроты военных угроз может вести к перенапряжению национальных ресурсов, негативно сказывается на темпах социально-экономического развития, милитаризации государства, а в конечном счете деградации его экономики и общества.

Поэтому в стратегическом прогнозе должны быть предусмотрены варианты использования национальных ресурсов, которые условно можно разделить, как минимум, на три подхода.

Первый, — когда используется в целях обороны порядка 1% ВВП, как в целом ряде стран Европы, Японии и других странах.

Второй, — когда используется до 4% ВВП.

Третий, — когда расходы на оборону превышают 4%.

В соответствии с таким приоритетом можно проводить расчеты и в военном планировании, полагая, что темпы роста ВВП страны до 2020 года будут колебаться от 3% до 5%.

В то же время в прогнозируемый период можно предусмотреть и четвертый вариант, при котором значительные средства (например, 8% ВВП) будут формально выделяться на оборону, а в действительности на развитие НЧК и новейших технологий двойного назначения.

В настоящее время военные расходы многих развитых стран, например, составляют от 1% до 4% ВВП страны. В XX веке существовало мнение, что превышение порога в 8% ВВП неизбежно ведет к милитаризации экономики и стагнации, хотя в некоторые предвоенные периоды, например, в СССР и Германии, этот показатель превышал 30%. В XXI веке считается, что недопустимо превышение доли военных расходов в 4% (у современной России — 3,9%). Большинство стран СНГ, а также европейские государства имеют уровень военных расходов в пределах 1% (что, однако, не помогает Украине в быстром развитии и не влияет на ускорение развития Германии или Японии, которые тратят примерно столько же). Более того, к 2014 году военные расходы Великобритании сократились на 8%, а к 2020 году личный состав вооруженных сил будет сокращен со 178 тыс. до 147 тыс. человек (с одновременным увеличением количества резервистов), т.е. почти на 20%[24].

Важно предусмотреть в прогнозе наличие двух тенденций. Во-первых, увеличение цикла НИОКР, производства и службы ВиВТ, а, во-вторых, их значительного удержания. Развитие современных ВиВТ состоит, как известно, из нескольких основных этапов — фундаментальных исследований, НИОКР, испытаний и серийного выпуска, — каждый из которых, в свою очередь, занимает достаточно длительный период, а в целом — от постановки задачи, основанной на оценке угрозы, до внедрения новой системы вооружений в войска, может пройти несколько десятков лет. Причем в XXI веке эти периоды **существенно удлиняются**. Если в 40-е годы системы ВВТ менялись за 3–5 лет, в 60-е годы — 10–15 лет, то сейчас некоторые системы ВВТ служат по 30–40 лет, а в будущем будут служить 40–50 лет.

Стремительно (на порядки, в десятки раз) растет и **стоимость ВиВТ**. Это означает, что адекватная оценка угрозы и формулирование четкой и своевременной задачи перед новыми видами и системами ВиВТ, а также выделение необходимых ресурсов являются наиболее важными этапами в формировании политики и военной доктрины государства. Недооценка будущей угрозы может стать реальностью, скажем, через 15–20 лет, когда уже будет поздно что-то делать. Несвоевременное начало работ и недостаточное выделение ресурсов неизбежно приведут к тому, что когда эта угроза станет реальностью, противодействовать ей уже будет нечем, а, может быть, и некому.

Как показывает история развития (стагнации) российского ОПК последних десятилетий, сегодня **главная проблема** заключается в том, что национальный человеческий капитал (НЧК) России в наибольшей степени пострадал от ошибок правящей элиты: нехватка конструкторов и ИТР составляет 20–30%, а профессиональных рабочих 40–50%. **Изменить ситуацию может только радикальная смена политики в отношении НЧК**.

Военно-политический и стратегический характер современных внешних[25] и внутренних военных угроз[26] и возможный прогноз до 2020 и 2030 годов

Создаваемый Национальный центр (управления обороной России) охватит все звенья руководства Вооруженными Силами, а также позволит скорректировать усилия 49 министерств и ведомств, участвующих в реализации Плана обороны страны[27].

В. Герасимов,
начальник Генерального штаба России

Оценка современной ВПО и определение военно-политического характера внешних и внутренних военных угроз, а тем более долгосрочный прогноз и вытекающее из него долгосрочное планирование зависят, как уже говорилось, фактически от бесконечного числа факторов.

В Военной доктрине России они систематизированы следующим образом:

— Основные внешние военные опасности (ст. 8).
— Основные внутренние военные опасности (ст. 9).
— Основные военные угрозы (ст. 10).

Их перечень, сформулированный в Военной доктрине России, выглядит следующим образом[28]:

8. Основные внешние военные опасности:

а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность;

в) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;

г) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;

д) территориальные претензии к Российской Федерации и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;

е) распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием;

ж) нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области ограничения и сокращения вооружений;

з) применение военной силы на территориях сопредельных с Российской Федерацией государств в нарушение Устава ООН и других норм международного права;

и) наличие (возникновение) очагов и эскалация вооруженных конфликтов на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств;

к) распространение международного терроризма;

л) возникновение очагов межнациональной (межконфессиональной) напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий, рост сепаратизма и насильственного (религиозного) экстремизма в отдельных регионах мира.

9. Основные внутренние военные опасности:

а) попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации;

б) подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации;

в) дезорганизация функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации.

10. Основные военные угрозы:

а) резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы;

б) воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов;

в) создание и подготовка незаконных вооруженных формирований, их деятельность на территории

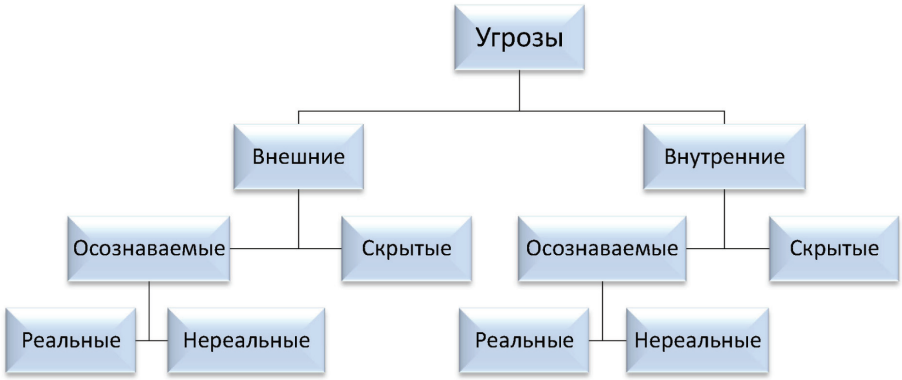


Рис. 12.[30]

Российской Федерации или на территориях ее союзников;

г) демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях сопредельных с Российской Федерацией или ее союзниками государств с провокационными целями;

д) активизация деятельности вооруженных сил отдельных государств (групп государств) с проведением частичной или полной мобилизации, переводом органов государственного и военного управления этих государств на работу в условиях военного времени[29].

Вместе с тем деление на внешние и внутренние военные опасности и угрозы, принятое не только в Военной доктрине России, но и среди большинства последователей (см., например, рис. 12), мало что дает для анализа.

Это достаточно простая, даже упрощенная схема не позволяет отслеживать главного, а именно — **эволюции объективных международных факторов в факторы** внешнего влияния и их постепенного превращения во внешние и военные угрозы. Предложенный в Военной доктрине подход, кроме того, является слишком общим, а значит, недостаточно конкретным. Он не дает возможности:

1). **Определить приоритетность** угроз, а значит, и значение опасностей и угроз.

2). **Выделить технологические и географические направления** таких опасностей и угроз, распространяя их определения только в глобальном масштабе.

3). **Обозначить возможность и вероятность** возникновения новых угроз.

4). **Увидеть системность опасностей** и угроз, которые нередко не имеют четких границ между собой.

В этой связи при определении военно-политического и стратегического характера современных внешних и внутренних опасностей и угроз и вероятной их эволюции в будущем предлагается ответить на поставленные выше вопросы следующим образом: рис. 13.1–13.2)

Масштаб и степень внешних и военных угроз, исходящих от отдельных направлений различная.

1. **Приоритетность внешних военных опасностей** и угроз определяется:

а) опасностями в первую очередь для нации, а затем государству, степенью их влияния на национальную идентичность и национальные интересы и ценности.

б) формированием военно-политических коалиций и союзов;

в) изменением в соотношении сил различных мировых и региональных центров силы;

г) отставанием России по важнейшим показателям развития национального человеческого капитала (НЧК):

– валовом душевом доходе;
– демографии;
– культуре;
– науке;
– образовании;
– скоростью перехода экономики к шестому технологическому укладу (доли уклада в экономике) и др. показатели.

Рис. 13.1.

2. Геополитические и географические направления внешних и военных угроз имеют для России разное значение. Учитывая огромное количество субъектов ВПО, необходимо их структурировать по таким направления и адекватно оценить их значение. Так, предлагается выделить следующие геополитические направления внешних опасностей и угроз, в зависимости от которых сгруппировать стран и союзы:

Запад: НАТО, ЕС, ТАП
- западное (Беларусь и страны Западной Европы);
- юго-западное (Украина, Молдавия, Приднестровье, Турция);
- северо-западное (страны Северной Европы, Арктика).

Восток: ТТП, АСЕАН
- – северо-восточное направление (страны Северо-восточной Азии);
- – страны Юго-Восточной Азии (включая Индонезию, Филиппины);
- – Китай;
- – Япония;
- – США;
- – АТР в целом (включая Австралию, Н. Зеландию).

Юг:
- – страны Средней Азии;
- – страны ЦА;
- – Индия;
- – Пакистан;
- Страны Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки.

3. Необходимо тщательно следить за эволюцией внешних опасностей в сторону военных угроз и появление принципиально новых военных угроз. К ним можно отнести:

а) развертывание в отдельных регионах систем ВТО, прежде всего, КР большой дальности;

б) появление беспилотных ударных ЛА;

в) изменением в соотношении сил различных мировых и региональных центров силы;

в) развертывание региональных систем ПРО и ПВО и др.

4. Внешние и военные угрозы приобретают (и в еще большей степени будут приобретать в будущем) системный характер:

а) объединение ударных и оборонительных стратегических систем в единый комплекс (СЯС и ВКО);

б) превращение воздушно-космического пространства в единый глобальный ТВД;

в) интеграция информационных и ударных систем;

г) превращение киберпространства в единое пространство для военных действий.

Рис. 13.2.

Причем наблюдается процесс как политизации военных угроз (например, в НАТО, где военные расходы и военная мощь сокращаются и, наоборот, на Востоке, где они редко усиливаются, так и переход внешних опасностей в категорию военных угроз (как на юге).

Таким образом, определение характера, приоритетности, масштабности внешних опасностей и военных угроз формализуется до уровня нескольких десятков показателей. Именно этот процесс в развитии ВПО, однако, является главным объектом анализа.

Модель структуры ВПО

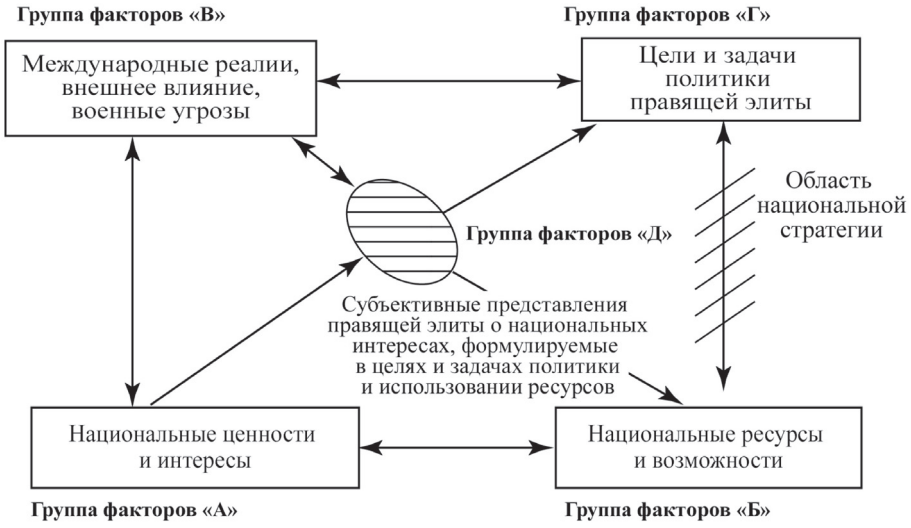


Рис. 14.[30]

Наряду с собственно внешними опасностями и военными угрозами важно определить **степень** влияния на их формирование других факторов. Представляется, что целесообразно рассмотреть сначала их **место в структуре современной мировой политики, а затем провести более детальный анализ**, который видно из следующей модели ВПО (рис. 14).

Как видно из рисунка, международные факторы и субъекты ВПО (Группа «В») существуют не автономно, а во многом зависят от трех групп факторов.

— Целей и задач субъектов ВПО (Группа «Г»);
— Национальных интересов и ценностей субъектов ВПО (Группа факторов «А»). При этом сам процесс определения национальных интересов и ценностей, как и процесс их формирования, представляет, по мнению некоторых авторов, систему со своими структурными и функциональными компонентами. Общая блок-схема данного процесса представлена на следующей схеме. Основными структурными компонентами этой системы выступают субъект, объект, среда формирования. Функциональными компонентами являются ценности, доминирующие в обществе, потребности, знания (информация), методы и принципы формирования интересов, а также профессионализм людей, участвующих в процессе формирования жизненно важных интересов личности, общества и государства.

В качестве субъекта формирования интереса могут выступать государственные институты, политические партии, общественные организации, коллективы людей, отдельные лица, осуществляющие деятельность по формированию интересов у людей-носителей интересов[31].

— Представлений правящих элит субъектов ВПО о внешних факторах (международных реалиях, внешних опасностях и военных угрозах).

Это самостоятельные и весьма важные задачи исследования, без которых трудно описать, а тем более прогнозировать развитие будущего.

Таким образом группа факторов «В» может быть сведена в матрицу, где степень влияния этих факторов (или угроз) может быть отражена более точно.

Учитывая, что распределение национальных ресурсов, в том числе расходов на оборону, является **частью** национальных стратегий, анализ политических целей и задач отдельных субъектов, ВПО необходимо проводить с учетом:

Для более точного анализа и формирования внешних опасностей и военных угроз в этой связи необходим анализ и определения степени влияния этих групп факторов, а именно:

– исследование национальных интересов и ценностей субъектов ВПО;

– изучение степени и направленности влияния правящих элит субъектов ВПО на внешние факторы;

– анализ влияния официально декларируемых политических (экономических, военных и иных) целей и задач на внешние реалии.

Группа факторов «В» (Международные реалии, внешнее влияние, внешние угрозы и военные угрозы)		
Международные реалии	Объективные (например, развитие НТР)	от 1 до 20
	Субъективные (например, финансовая система)	от 1 до 20
Внешнее влияние	Очень сильное (страна находится в зависимости)	от 1 до 20
	Сильное (неполный суверенитет)	от 1 до 20
	Слабое (полный суверенитет)	от 1 до 20
Внешняя угроза	Потенциальная (например, КНР–Индия)	от 1 до 20
	Реальная (КНДР–РК)	от 1 до 20
Военная угроза	Скрытая («подсознательная»)	от 1 до 20
	Явная (декларируемая)	от 1 до 20
	Прямая (военные операции, война)	от 1 до 20
Внутренние военные опасности и угрозы	Терроризм	от 1 до 20
	Вооруженная оппозиция	от 1 до 20

Рис. 15.

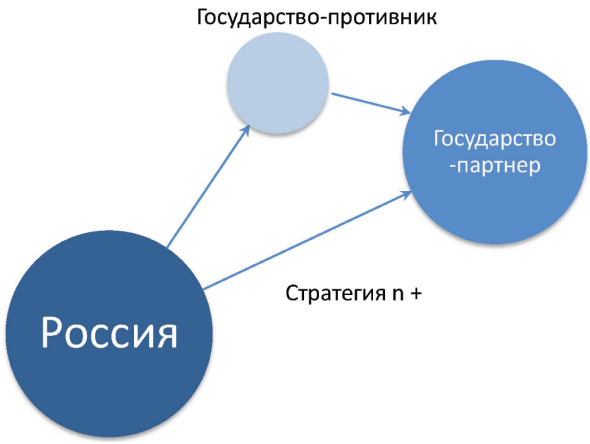
— распределения национальных ресурсов;
— выбора национальных стратегий развития;
— формулирования военных доктрин субъектов ВПО.

Описание внешних опасностей и военных угроз, таким образом, должно делаться на основе определения влияния всех групп политических (и иных) факторов на эти угрозы, т.е. **системно**. При этом сами внешние опасности и угрозы в целях определения динамики их эволюции целесообразно сформулировать в некую формализованную матрицу (рис. 15).

Конечно, это условное деление можно и нужно детализировать по отношению к стратегическим направлениям и даже отдельно к ведущим странам мира, но даже такая простая матрица по отношению к 200 государствам и тысячам негосударственных акторов требует огромной фактологической работы для начального этапа анализа. Так, оценка 1000 акторов по 10 критериям означает описание 10 000 сюжетов, а ведь это только часть от всех участников международных отношений и ВПО. При этом понятно, что нас больше всего интересует точное и полное описание именно военных угроз, хотя без оценки влияния других внешних факторов такая работа бессмысленна.

Для количественной оценки влияния этих факторов и возможной машинной обработки, их можно, в свою очередь, разделить на пять степеней. Например, «скрытая военная угроза» может быть оценена по шкале от 1 до 20, также как и другие четыре подгруппы.

Еще сложнее обстоят дела с выбором стратегий в отношении тех или иных внешних игроков или факторов. Если численность международных акторов исчисляется десятками тысяч, то можно предположить, что по отношению к каждому международному актору будет выбрана не одна, а несколько стратегий (как показывает опыт, иногда даже взаимоисключающих) — от двух–трех до «бесконечно больших» чисел. Теория игр предусматривает и подобные варианты.



Это возможно и в том случае, когда стратегии (как на рисунке) не предусматривают прямых действий, а предполагают различные варианты. Что, кстати, очень часто случается в международных отношениях, более того, является правилом.

Кроме того, очень важно подойти к анализу этого процесса с точки зрения качества решений, принимаемых правящими элитами. Речь идет о таких объективных характеристиках этих оценок, как
— своевременность;
— адекватность;
— способность прогнозировать их эволюцию.

Это означает, что матрица должна быть не статична, а привязана ко времени и, что важно, к качеству анализа и принятия решений. Иными словами, матрица должна быть точно датирована (например, 1-й квартал 2014 года, или 2015 год, или 2020 год), а также сопровождаться постоянным мониторингом

экспертов и своевременной информацией для лиц, принимающих решения. Соответственно долгосрочный прогноз на 10–15–25 лет предусматривает своевременную корректировку парадигм и даже их смену, что может принципиально изменить характер и структуру ВПО.

Эти характеристики имеют в современный период очень важное значение. Так, «своевременность» точной оценки внешней угрозы означает, что запоздалая (как, например, игнорирование информационного этапа военно-технической революции в СССР и России в 70-е — 80-е годы) оценка угрозы приведет к отставанию в научно-технологической области. Что сегодня очевидно наблюдается в создании элементной базы микроэлектроники, или отставании в развитии беспилотников и т.д.

Очень важен критерий «адекватности», который означает соблюдение принципа «стоимость эффективность». Так, невозможно разрабатывать все без исключения направления научно-технического прогресса, с одной стороны, но невозможно и игнорировать его важнейшие направления, с другой.

Особенно важно в этой связи учитывать не только научный, технологический и военно-технический факторы, но и перспективы развития **международной и военно-политической обстановки**, ситуации в отдельных регионах и даже отдельных странах. Прежде всего, появление новых вероятных противников, угроз или потенциальных союзников, что радикально меняет расстановку военных сил в мире, регионе или вблизи границ России. Простой пример. В современном Китае уже более 10000 танков, причем порядка 30% новейших образцов, размещенных в северных округах, граничащих с Россией и Казахстаном (по сравнению с 2000 эксплуатируемых и еще 12000 складированных танков в России). Однако темпы развития бронетанковых войск КНР таковы, что к 2020 году они в разы будут превосходить российские возможности[32]. В этом случае возникает вопрос: если отношения КНР и России изменятся через 5–10 или 15 лет, то, как предстоит нам реагировать на очевидное превосходство Китая в Сибири и на Дальнем Востоке?

Ответ на этот вопрос должен быть дан уже сегодня, в 2014 году. Он предполагает несколько гипотетических вариантов ответов:

— запускать в масштабное серийное производство современные образцы танков, например, Т90 АМ (существующий в единственном экземпляре) с тем, чтобы к 2020 году создать парк новых танков, насчитывающих 10–15 тыс. единиц;
— ничего не делать или делать нынешний минимум, полагаясь на то, что Китай останется «вечным союзником» России, а все разговоры о его возможных территориальных и ресурсных претензиях — досужие вымыслы;
— готовить ассиметричные ответы (развертывать ТЯО, противотанковые средства, ударную авиацию и т.д.).

В любом из этих случаев для реализации решений потребуется время, причем, как минимум, до 2025 года. Это означает, что мы должны уже сегодня, в 2014 году, представить возможные варианты развития именно военно-политической ситуации в 2025–2030 годах. (с военно-технической точки зрения вопрос достаточно прост — нужен симметричный [танковый] ответ). При этом цена ошибки чрезвычайно высока. Она выражается как в нанесении неприемлемого ущерба для безопасности, либо огромных (излишних) затратах национальных ресурсов. Это требует от политического руководства, принимающего решение, очень точно предположить возможное развитие российско-китайских отношений через 10–15 лет и 20–30 лет, а также внутриполитической ситуации в Китае, вероятного вектора китайской внешней политики и учета многих других факторов.

---

1 *Гареев М. А.* Последовательно отстаивать национальные интересы // ВПК. 2014. 22–28 января. № 2(520). С. 4.

2 *Цырендоржиев С. Р., Брезгин В. С.* Методический подход к оценке военной безопасности Российской Федерации // Военно-техническая политика. 2010. № 2 (10). С. 12.

3 *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. М.: МГИМО–Университет, 2008. 2-е изд. 352 с.

4 См.: Эл. ресурс: «Глобальная военная мощь» / URL: http://www.globalfirepower.com

5 Военный потенциал Китая, вопросы глобальной и региональной безопасности. Доклад конгрессу в соответствии с законом о финансировании на оборону на 2010 финансовый год, стр. 70 / URL: http://www.iss-atom.ru/articl_iss/report_usa_china.pdf

6 USMC Concepts and Programs 2013. Programs and Resources Headquarters Marine Corps / URL: http://www.hqmc.marines.mil/pandr/ConceptsandPrograms.aspx

7 *Агеев А. И., Куроедов Б. В.* Геоэкономическое и геополитическое положение Центральноазиатских государств в современном мире // Партнерство цивилизаций. 2013. № 3. С. 231, 237.

8 *Фитуни Л. Л.* Нужно ли России «возвращаться» на Черный континент? // Независимая газета. 2014. 14 февраля. С. 5.

9 *Сивков К.* Русский глобальный удар / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2014. 21 января / URL: http://topwar.ru/38674-russkiy-globalnyy-udar.html

10 **Показатели** ВПО — *зд.* данные, позволяющие оценивать состояние и развитие международной ситуации и положения России.

11 **Критерии** — *зд.* основания, признаки для принятия решения об оценке ВПО.

[12] *Гареев М. А.* Последовательно отстаивать национальные интересы // ВПК. 2014. 22–28 января. № 2(520). С. 4.

[13] **Метод прогноза** — *зд.* способ предсказания будущего, основанный на одном из научных подходов (экспертных оценок, моделировании, нормативного подхода, программно-целевого [ПЦМ] и др.).

[14] *Цырендоржиев С. Р., Брезгин В. С.* Методический подход к оценке военной безопасности Российской Федерации // Вооружения и экономика. 2010. № 2(10). С. 13.

[15] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Влияние развития систем боевого управления, связи и разведки на военную доктрину США / Докторская диссертация. М.: Дипломатическая академия. 1989.

[16] *Цырендоржиев С. Р., Брезгин В. С.* Методический подход к оценке военной безопасности Российской Федерации // Вооружения и экономика. 2010. № 2(10). С. 13.

[17] *Аладьин В. Ковалев В., Малков С., Малинецкий Г.* Пределы сокращения. М.: Ин-т русской цивилизации. 2013. С. 81.

[18] *Попов И. М. Хамзатов М.* М. Перспективы развития робототехнических комплексов военного назначения в США. Часть I. Аналитический обзор документа МО США «Интегрированная дорожная карта развития робототехнических систем на период 2013–2038 гг.». М., 2014. Январь.

[19] *Квон Д. Х.* Невозможность науки в теперешней России // Независимая газета. 2014. 22 января. С. 11.

[20] SIPRI (Stockholm International Peace Research Institute) Military Expenditure Database / URL: http://milexdata.sipri.org/files/?file=SIPRI+milex+dataa+1988-2012+v2.xlsx

[21] См. подробнее: *Подберезкин А. И.* Национальный человеческий капитал ТТ. I–III. М.: МГИМО–Университет, 2011–2013 гг.

[22] *Самарина А.* Апология Путина // Независимая газета. 2014. 20 января. С. 1.

[23] *Щегорцов В., Таран В.* и др. Антикризисное управление человеческими ресурсами. М. 2010. С. 337.

[24] Цит. по: Великобритания больше не полноценный военный партнер США — Роберт Гейтс / Эл. ресурс: «Евразийская оборона». 2014. 19 января / URL: http://eurasian-defence.ru

[25] **Характер внешней угрозы** — *зд.* разновидность типов внешних угроз безопасности страны, зависящих от сферы их возникновения: политические, экономические, военные, техногенные, экологические и др.

[26] **Характер военных угроз** — *зд.* разновидность типов военных угроз.

[27] *Литовкин В.* Без Генштаба нет армии / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 2014. 26 января / URL: http://topwar.ru/

[28] Военная доктрина Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 / URL: http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html

[29] Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 / URL: http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html

[30] URL: http://top-bal.ru/pars_docs/refs/1/298/298_html_m330535ea.png

[31] *Прохожев А.* А. Национальная идеология и национальная безопасность России М.: ОАО МПК, 2013. С.61.

[32] *Барятинский М.* Грозная броня Поднебесной / Эл. ресурс: «Военно-промышленный курьер». 2013. № 40.